

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Сергей Григорьев

**АЛЕКСАНДР
СУВОРОВ**

Сергей Тимофеевич Григорьев
Александр Суворов
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)», книга 1

Текст книги предоставлен правообладателю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8110476

Александр Суворов [вступ. ст. Г. Шторма]: Дет. лит.; Москва; 2013

ISBN 978-5-08-004962-0

Аннотация

Повесть посвящена великому полководцу, генералиссимусу Александру Васильевичу Суворову (1730–1800). Автор описал всю его жизнь начиная с одиннадцатилетнего возраста. Основное внимание уделено военным походам, в которых проявился стратегический талант полководца Суворова. Это Прусский поход во время Семилетней войны, две турецкие кампании, а также Итальянский и Швейцарский походы, в последнем из которых русские чудо-богатыри под командованием Суворова покрыли себя неувядаемой славой, совершив переход через Альпы.

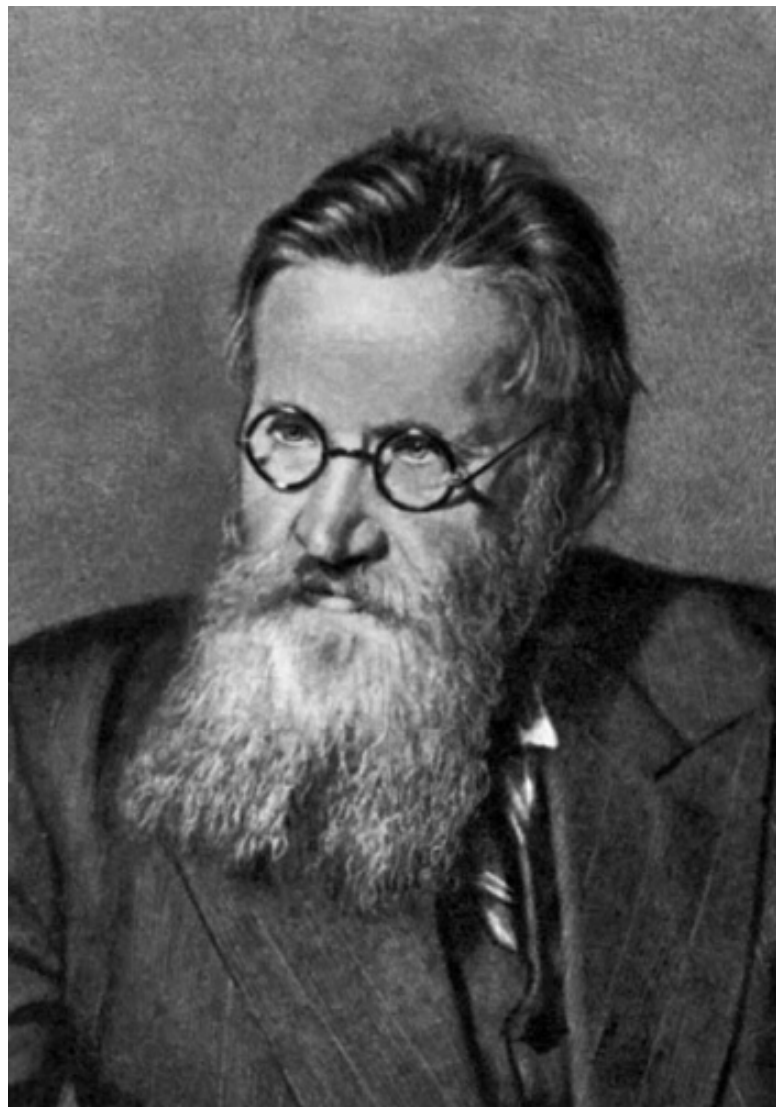
Военный талант Александра Васильевича Суворова, не проигравшего ни одного сражения, его патриотизм и храбрость, высокое понимание долга, любовь к солдатам сделали его имя бессмертным в истории России.

Для старшего школьного возраста.

Содержание

Сергей Тимофеевич Григорьев	7
Александр Суворов	15
Глава первая	16
Глава вторая	46
Глава третья	69
Глава четвертая	88
Глава пятая	116
Глава шестая	136
Конец ознакомительного фрагмента.	140

**Сергей Тимофеевич
Григорьев
Александр Суворов
*Историческая повесть***

Deputy Surgeon-General

Сергей Тимофеевич Григорьев

(1875–1953)

Молодой инженер путей сообщения прибыл на строительство железной дороги и остановился в деревне, в крестьянской избе. Хозяйские дети заинтересовались приезжим, в особенности привезенной им круглой картонной коробкой, и однажды, когда старших не было дома, открыли ее и заглянули внутрь.

Роскошный пушистый зверь, свернувшись, лежал в коробке. Его густой коричневый мех отливал, как на морозе, серебром. Но это был не зверь, а бобровая опушка парадной шапки инженера. Для детей первое впечатление – сильнейшее, оно сделало личность инженера таинственной, приковало к нему внимание деревенских ребят...

Так умело заинтересовывает юного читателя в одной из своих повестей – «Революция на рельсах» – писатель Сергей Тимофеевич Григорьев. И это умение сразу же заинтересовать читателя и держать его в напряжении до самого конца большой или малой книги и есть основной писательский дар Григорьева.

Его далекие предки были ямщиками на большом Петербургском тракте; дед был лоцманом на барках, ходивших по рекам и Ладожскому озеру; отец – паровозным кочегаром, а

потом – машинистом. Двадцать пять лет водил он пассажирские поезда.

Родился Сергей Тимофеевич Григорьев в Сызрани в 1875 году. «На шестом году жизни я при содействии руки отца в первый раз сдвинул ручку регулятора и стронул паровоз, – писал он в автобиографии. – С тех пор я нежно люблю паровозы». И эту любовь к машине, к таинственному, блещущему медью и маслом, окутанному паром и послушному руке человека чуду, Григорьев принес в детскую литературу, принес в нее своевременный интерес к технике и труду.

Очень помогло в этом писателю техническое образование. Детская увлеченность техникой не прошла с годами, и его потянуло в Технологический институт. Но занимательные рассказы отца об электротехническом заводе в Петербурге соблазнили Григорьева, и он поступил в Петербургский электротехнический институт. Учиться было трудно, так как в институте царил суровый, почти военный режим. Юный электротехник не выдержал, бросил учебу и, возвратившись на Волгу, провел там три года (1894–1897), работая то в Сызрани, то в Самаре, то в селе Печерском на Самарской луке.

Но диплом инженера был нужен. И Сергей Тимофеевич опять поехал в столицу и вторично поступил в тот же институт, чтобы завершить образование. Однако участие в студенческом движении и возникшая весной 1901 года угроза ареста заставили его, не закончив институт, покинуть Петер-

бург. И снова Григорьев в родных местах – там, где прошло его детство.

В 1899 году он познакомился с Алексеем Максимовичем Горьким, печатавшим свои фельетоны в «Самарской газете». Вскоре и Григорьев поместил там рассказ «Нюта», задуманный им и для взрослых, и для детей.

До 1917 года Григорьев жил во многих городах Поволжья. «Нанесенный на карту Российской империи, мой жизненный путь, – писал в автобиографии Сергей Тимофеевич, – очень затейливо по ней петляет». А с 1922 года он прочно осел под Москвой, в Сергиевом Посаде, городе, переименованном в 1930 году в Загорск.

В то время там жили писатели Михаил Пришвин, Алексей Кожевников, художник Владимир Фаворский. Григорьева окружали мастера знаменитых сергиевских игрушек – резных и расписных петушков и баранов, медведей и лис.

В подмосковном затишье Григорьев пишет свои первые детские произведения: рассказ о Гражданской войне «Красный бакен» и повести «С мешком за смертью» и «Тайна Ани Гай» – о советских детях в голодные 1920-е годы.

В 1920-1930-е годы Григорьев создает несколько исторических повестей о прошлом нашей родины: «Берко-кантонист», «Флейтщик Фалалей» и «Мальчий бунт». Последняя повесть – об участии детей в знаменитой забастовке на Орехово-Зуевской фабрике. Чтобы изобразить стачечное движение ткачей, писатель ездил туда и на месте собирал матери-

алы.

В годы Великой Отечественной войны Григорьевым была написана, пожалуй, лучшая его повесть – «Кругосветка», о большом путешествии А. М. Горького по Волге в 1895 году с самарской детворой. В этом произведении со всей полнотой раскрылся дар писателя – способность разговаривать с юным читателем так же серьезно, как и со взрослыми, и видеть важное, нужное дело, казалось бы, в простой детской игре.

Вспомним, как из ребячьей игры в «потешные», затеянной в детстве Петром I, вышло дело большой государственной важности – русская регулярная армия. Интересную игру предложил Аркадий Гайдар в своей повести «Тимур и его команда», и каким общественно важным делом обернулась она по всей стране!

Недаром в свою последнюю повесть о Великой Отечественной войне «Архаровцы» Григорьев ввел Аркадия Гайдара и тимуровцев, встретившихся лицом к лицу с грозной опасностью, «когда игрушкам пришел конец».

Мужество русских людей, переход в военное время от детской игры к настоящему подвигу замечательно показаны Григорьевым в его лучших исторических повестях – «Александр Суворов» и «Малахов курган».

В книге «Александр Суворов» в плане игры описаны все знаменитые чудачества великого русского полководца: суворовские странности, хорошо понятные солдатам, и неожи-

данные для «сильных мира сего» поступки, в которых всегда проглядывают и народная мудрость, и тайный глубокий смысл.

Вот, например, как описан развод дворцовых караулов.

Император Павел I вводил в армии прусские порядки и хотел похвастаться ими перед Суворовым. Суворов же был категорически против этих нововведений. Однажды, так и не дождавшись конца развода, Суворов схватился за живот, вскрикнув: «Не могу больше! У меня брюхо болит!» – и уехал.

Другой эпизод происходит в Италии. Русские войска не могут выбить с сильной позиции французов. Суворов приказывает рыть для себя могилу. «Я не могу пережить такой день», – говорит он. И это окрылило солдат. Позиция была взята.

Интересна и рассказанная автором легенда о «живой» воде, которой окатывал себя в Италии Суворов, чтобы не забыть о живительной русской ключевой воде.

Образ Суворова в сознании солдат дан писателем в плане героическом. Вот что рассказывает старый солдат о штурме турецкой крепости Туртукай.

«„Однако так ли, сяк ли, – говорит Суворов, – Туртукай надо брать. Много ли турок?“ – „Да вшестеро против нашего“. – „Что скажете, богатыри?“ – спрашивает Суворов молодых. Те мнутя: „Маловато нас“». Тогда он ко мне самолично: «Помнишь, что Первый Петр турецкому султану сказал?

Объясни-ка молодым». А вот что, товарищи, было. Хвастал перед Петром турецкий султан, что у него бойцов несметная сила. И достал султан из кармана шаровар пригоршню мака: «Попробуй-ка сосчитай, сколько у меня войска». Петр пошарил у себя в пустом кармане, достает одно-единственное зернышко перца да и говорит:

Мое войско невелико,
А попробуй раскуси-ка —
Так узнаешь, каково
Против мака твоего.

И Туртукай пал.

Повести «Александр Суворов» и «Малахов курган», написанные Григорьевым в предвоенные годы, полны глубокой веры в силы народа, в его беззаветную любовь к родной земле.

Юный герой повести «Малахов курган» Веня, сын боцмана Могученко, – во многом похож на своего сверстника Сеньку из повести «Архаровцы», который тоже совершает настоящий подвиг и получает «взаправдашнюю» медаль.

С той же игры, что и для «архаровца» Сеньки, началось служение Родине для севастопольца Вени, как только к Севастополю приблизился вражеский флот из множества кораблей.

«Веня уловил маневр коварного врага» – так начинает Григорьев описание этого эпизода. Мальчик, приставив ку-

лак рупором ко рту, кричит комендору на судне, который, конечно, не может его услышать: «Носовое!.. Бомбой пли!»

Словно повинувшись команде Вени, комендор стреляет.

«Рыгнув белым дымом, мортира с ревом отпрыгнула назад. На чужом пароходе рухнула верхняя стенга на первой мачте. Чужой фрегат убрал паруса, но не успел повернуться для залпа, как Веня скомандовал:

– Лево на борт! Всем бортом пли!»

И эта команда Вени оказывается правильной и поэтому совпадающей с действиями комендора.

«Владимир» повернул и дал залп всем бортом. Веня приставил кулак к левому глазу зрительной трубой и увидел: чужой сделал поворот и, не дав залпа, пошел в море, держа к весту.

– А-а, хвост поджал! Струсил! Ура, братишки! Наша взяла! Ура!

В повести «Малахов курган» Григорьев показывает беспримерный героизм защитников Севастополя, патриотизм и мужество русского народа.

Я помню Сергея Тимофеевича грузным высоким человеком, с седой бородой и грустным взглядом задумчивых глаз, иногда вспыхивающих озорным блеском за стеклами старомодных очков.

Он имел обыкновение, прощаясь с собеседником, отдавать по-военному честь, произносить короткое словечко

«чик» и тут же с улыбкой пояснять: «Честь имею кланяться».

Помню такой случай. В годы Великой Отечественной войны Сергей Тимофеевич написал для Военно-морского издательства повесть об адмирале Макарове («Победа моря» – так называется ее вариант для детей). Рукопись прочел строгий рецензент – контр-адмирал и указал автору на некоторые неточности в военно-морских терминах: корабли-де не «плавают», а «ходят», а парус яхты не «клонится», а «ложится» и тому подобное.

Сергей Тимофеевич, ознакомившись с отзывом, размашисто наискось начертил: «Не согласен». И подписался: «Вице-адмирал С. Григорьев». С точки зрения редакторов, это было недопустимым озорством и нарушением устава, но Григорьев был человек штатский и любил пошутить.

С. Т. Григорьев был и остается одним из любимых юным читателем авторов. Он прожил большую жизнь и всегда отлично знал то, о чем писал.

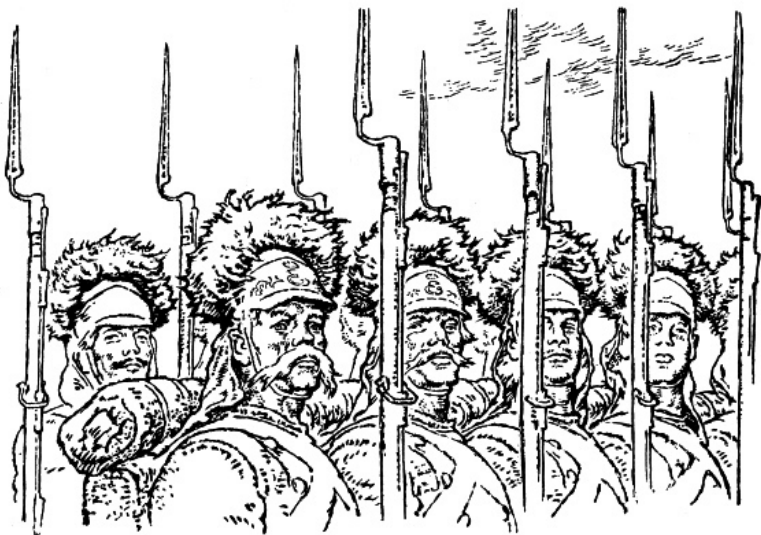
«Окидывая взглядом свой жизненный путь, я с трепетом вижу, что был участником... событий на протяжении более половины столетия. И какого столетия!» – писал он в 1950 году, когда ему исполнилось семьдесят пять лет.

Г. Шторм

Александр Суворов

Историческая повесть

Горжусь, что я русский!
А. В. Суворов

Глава первая

Отцовский дом

Стоял август 1742 года. В усадьбе Суворовых спать ложились рано, чтобы не тратить даром свечей. Отужинали. Василий Иванович закурил трубку, единственную за сутки, чем всегда кончался день.

Мать, как обычно, поставила Александра на молитву. Читая вслух дьячковской скороговоркой слова молитвы, Александр, где следовало, становился на колени.

– Не стучи лбом о пол! – зевая, говорила мать.

Александр стучал нарочно. Ему нравилось, что при каждом ударе в вечерней тишине гулко отдавалось подполье.

Молитва кончилась. Александр поцеловал руку отца, потом матери и отправился спать. В темных сенях мальчик привычно взбежал по крутой лестнице в свою светелку.

Лежа на кровати под одеялом из колючего солдатского сукна, Александр терпеливо ждал, когда внизу уgomонятся. Отсюда, из светелки под крышей, слышно все, что делается внизу.

Вот смолкли сердитое ворчанье матери и плач сестры Аннушки. Перестал шаркать туфлями по полу отец, и за ним

затворилась с пением дверь спальни.

Все стихло, и тогда наконец Александр услышал привычный и любимый звук: старый дом протяжно крикнул, как будто и он, вздохнув, укладывал свои старые кости на убогую, расшатанную кровать. Скрип разлаженных половиц от тяжелых шагов взрослых, от детской беготни, от движения мебели и вещей прекратился. Все наконец пришло в равновесие покоя. Дом заснул.

Александр поднялся с постели тихо и осторожно, по-кошачьи, чтобы не нарушить покоя старого дома.

Нашарив в темноте огниво¹, мальчик выкресал огня и, раздув трут², зажег от него сèрничек³. Мертвенно-синий огонек почти не светил. От серничка он зажег приготовленную заранее лучинку. Светя лучинкой, Александр достал из-под подушки огарок восковой свечи чуть ли не в руку толщиной и зажег ее. Лучинку задул.

Запахи сменялись по порядку: сначала паленый запах стальной искры от кремня, потом затхлый дымок трута, удушливая сера, дегтярный дух березовой лучины, и, наконец, запахло медом от восковой свечи.

Александр завесил оконце одеялом, чтобы не тревожить

¹ Огниво – кусок камня или металла для высекания (выкресания) огня из кремня.

² Трут – любой материал, воспламеняющийся от одной искры (кора, сухая трава и т. п.).

³ Серничек – серная спичка.

светом спущенных во дворе цепных собак, взял с полки книгу, раскрыл ее на постели и начал листать, стоя перед книгой на коленях, со свечой в руке.

Место, дочитанное вчера, заложено сухим кленовым листом. Сладко забилося сердце. Вчера он уже заглядывал вперед и догадывался, каковы-то предстанут воинам Ганнибала⁴ Альпийские горы, как-то пойдут по кручам и узким тропинкам слоны и, главное, что скажет своим воинам перед битвой полководец.

Александр не торопил сладких мгновений, он раскрыл книгу на титульном листе и – в который уж раз! – прочитал:

Римская история от создания Рима до битвы Актинския, то есть по окончании республики, сочиненная г. Ролленем, прежде бывшим ректором Парижского университета, профессором красноречия и членом Королевской академии надписей и словесных наук, а с французского переведенная тщанием и трудами Василия Тредьяковского, профессора и члена Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук.

Медленно перелистывая книгу, мальчик читал знакомые уже страницы, одним взглядом узнавая всё сразу, подобно путнику, который, возвратясь из дальних странствований, видит привычное и родное.

⁴ Ганнибал (247 или 246–183 гг. до н. э.) – один из знаменитых полководцев древности, государственный деятель Карфагена; нанес ряд сокрушительных поражений римским войскам во время 2-й Пунической войны (218–201 гг. до н. э.).

Так он добрался до страницы, заложенной сухим кленовым листком.

«Армия была тогда уже облегчена ото всей рухляди⁵ и состояла в 50 тысячах человек пехоты и 9 тысячах конницы да при 37 слонах, когда Ганнибал повел ее через Пиренейские горы, дабы потом переправиться через Падан⁶...

Воины Ганнибала, утомленные непрерывными стычками с галлами⁷, роптали. Они боялись предстоящего перевала через Альпийские горы. Великий страх овладевал их сердцами, ибо их пугали рассказы, что те горы достигают самого неба.

Ганнибал обратился к воинам с речью, чтобы их успокоить. Он сравнил Альпы с пройденными уже и оставшимися позади Пиренеями. Что же карфагеняне вообразили себе об Альпийских горах? А это не что иное, как просто высокие горы. Хотя бы те и превосходили вышиной Пиренейские, однако нет подлинно земли, прикасающейся к небу и непроходимой для человеческого рода. Сие, впрочем, достоверно, что горы пахотные и что питают как людей, так и животных, кои на них рождаются.

Сами послы галлические, коих воины видят здесь перед собой, не имели крыл, когда те горы перешли.

⁵ Рухлядь – здесь: обозы со всевозможным имуществом.

⁶ Падан – река в Италии, исток реки По.

⁷ Галлы – древние кельтские племена, населявшие территории современных Франции, Бельгии, Швейцарии, Северной Италии.

Предки сих самых галлов, прежде нежели поселились в Италии, куда были пришельцами, многократно переходили те горы во всякой безопасности и с бесчисленным множеством женска пола и малых детей, с коими шли искать себе новых обиталищ...

Речь Ганнибала окрылила войско.

Исполняясь смелости и бодрости, воздели все руки и засвидетельствовали, что готовы они следовать всюду, куда он их поведет.

Армия Ганнибала вступила в горы. И казалось, что они точно достигают неба снежными вершинами. Виднелись убогие хижины, рассеянные среди острых камней. Тощие, иззябшие стада бродили на лужайках. Их пасли люди волосатые, вида дикого и свирепого.

Все это привело опять в леденящий страх воинов Ганнибала. Войско встретило, однако, очень большие препятствия не столько от непроходимости гор, сколько от местных жителей, которые нападали на идущих, бросали в них камни, сваливая огромные глыбы с гор, дабы прекратить дальнейшее их движение.

Карфагенским воинам надлежало совокупно и биться с неприятелями, и с трудом едва держаться на крутых склонах. Превеликий беспорядок был от коней, везших обозы и рухлядь; испугавшись криков и завываний галлов, кони, иногда и пораненные камнями, опрокидывались на воинов и низвергали их в бездну.

Слоны, бывшие в передовом войске, шли очень медленно по тем крутым склонам. Но, с другой стороны, где ни показывались они, везде прикрывали армию

от наскоков варваров, не смевших приблизиться к животным, коих вид и величина были для них новые.

После десятидневного похода Ганнибал прибыл наконец на самый верх горы. Наступил конец октября. Выпало много снега, покрывшего все дороги, и это привело в уныние всю армию. Заметив это, Ганнибал взошел на высокий холм, с коего видна была вся Италия, показал воинам плодоносные поля, орошаемые рекой Падан, на кои они почти вступили, и прибавил, что нужно сделать еще немного усилий – два небольших сражения, – чтобы окончить славно их труды, обогатиться навсегда и стать господами престольного города Римской державы.

Речь сия, исполненная блистательной надежды и подкрепляемая видением Италии, возвратила веселие и бодрость ослабевшему воинству.

И так продолжали они свой поход. Но дорога не стала легче. Напротив, так как приходилось спускаться, трудность и бедствия умножились, тем более что горы здесь были значительно круче.

На тропинках, узких, тесных и скользких, воины не могли, оступившись, удержаться и падали одни на других и опрокидывали друг друга. Хватаясь руками и цепляясь за кустарники ногами, воины спускались вниз.

Наконец они достигли мест, где уже росли большие деревья, и тут перед ними открылась большая пропасть. Чтобы устроить дорогу, Ганнибал велел срубить деревья и сложить из них большие костры по краю пропасти. Ветер раздул зажженное пламя костров.

Камни накалились докрасна. Тогда Ганнибал велел поливать их водой и забрасывать снегом. Камни трескались и рассыпались.

Так вдоль пропасти была проложена пологая дорога, давшая свободный проход войску, обозу и слонам. Употребили четыре дня на сию работу и наконец прибыли они на места пахотные и плодоносные, давшие изобильно травы коням и всякую пищу воинам.

Армия Ганнибала заняла и разоружила город Турин. На реке Тичино⁸ произошла первая крупная битва с римлянами. Перед боем Ганнибал обратился к воинам, говоря: „Карфагеняне! Небо возвещает мне победу (*гром в то мгновение ударяет!*) – римлянам, а не нам трепетать. Бросьте взоры на поле битвы. Здесь нет отступления. Мы погибнем все, если будем побеждены. Какое надежнейшее поручительство за торжество! Боги поставили нас между победой и смертью!“

Римляне были разбиты в этом бою. Однако они ждали подкрепления. Навстречу карфагенянам стремился римский полководец Семпроний со своими легионами. Ганнибал на берегу реки Треббии выбрал удобное место, чтобы действовать коннице и слонам, в чем состояла главная сила воинства его.

Устроив засаду, Ганнибал повелел коннице нумидийской перейти реку Треббию и идти до самого стана неприятельского, вызвать римлян на бой, а затем снова убраться за реку, чтобы увлечь за собой пламенного и заносчивого Семпрония на то место, где

⁸ Тичино – река, протекающая в Швейцарии и Италии, левый приток реки По.

была устроена засада.

Что Ганнибал предвидел, то и случилось. Семпроний послал тотчас на нумидян всю свою конницу, потом шесть тысяч человек стрелков, за которыми по следовала вскоре вся армия. Нумидяне побежали нарочно. Римляне погнались за ними. Был в тот день туман очень сильный, да и выпало много снега. Римские воины перезябли. Преследуя нумидян, они вступили по грудь в воды реки, и тела их так оледенели, что трудно им было удержать свое оружие. К тому же они были голодны, потому что весь тот день не ели, а день уже клонился к вечеру.

Не так-то было со служивыми у Ганнибала. Они рано по его приказанию зажгли перед своими ставками огни и намазали все тело маслом, данным на каждый отряд, дабы быть у них телу гибким и к простуде стойким. Также и поели они не торопясь. Видимо, для войска есть великое преимущество, когда полководец сам за всем смотрит и все предвидит, так что от рачительности его ничто не уходит.

Заманив римлян на свою сторону реки, Ганнибал дал знак, и спрятанный в засаде отряд ударил в их тыл. Римские легионеры были опрокинуты в реку. Остальные погибли, растоптанные слонами или конницей. Перед Ганнибалом открылся путь на Рим через Апеннинские горы...»

Черный генерал

Александр вздрогнул, услышав утренние звуки старого дома. Опять словно крякнула и заскрипела расшатанная кровать, скрипнула половица, стукнул засов. Александр оторвался от книги, ноги замерзли. В светелке не было печи, а ночи стояли уже холодные.

Наступило утро. Дом пробуждался. Александр погасил свечу, снял с окна одеяло и выглянул во двор через оконце. Серел рассвет. Алела над лесом заря.

В приспешной избе⁹ жарко пылала челом к окну печь. Из волока¹⁰ избы тянул серый дым. Дядька Александра, Мироныч, на дворе сосвистывал и сажал на цепь псов.

Внизу скрипнула дверь родительской спальни. Завозилась мать, и заплакала разбуженная Аннушка. Александр оделся, босиком сбежал вниз и сенями выскочил во двор, боясь, чтобы его не опередил отец.

Через росистую траву двора мальчик перескочил прыжками и распахнул дверь в приспешную. Там уже завтракали под образом в красном углу несколько дворовых, собираясь на ригу молотить. Дым, вытекая через чело печки, плавал облаком под черным потолком и тянулся вон через волок.

⁹ Приспешная изба – изба для дворовых людей.

¹⁰ Волок – (волоковое окошко) – небольшое окно, вырубленное в двух расположенных друг над другом бревнах, через которое выходил дым из избы.

Стряпка пекла оладьи.

– А, барабошка! – сказала она ласково, увидев Александра. – Раньше батюшки поднялся. Молотить, что ли?

Александр, не отвечая, поплескал на руки и лицо холодной водой из глиняного рукомойника над ушатом, утерся тут же висевшей холстиной и попросил:

– Анисья, дай оладушек...

– Бери, прямо со сковородки.

Оладушек обжигал пальцы. Александр, разрывая его на части, торопливо жевал.

– «Молотить»! – проворчал Мироныч, поглядывая на него с угрюмой улыбкой. – «Тит, иди молотить!» – «Брюхо болит». – «Тит, иди кашу есть!» – «А где моя большая ложка?»

Никто из молотильщиков не отозвался на шутку ни словом, ни усмешкой. Все продолжали молча черпать кашу, сгребая в ладонь хлебные крошки со стола и подкидывая их в рот.

– Выдумал твой батюшка манеру: где это видано, чтобы дворовые молотили? А?

Приговаривая так, дядька облизал свою ложку и протянул ее питомцу. Тот ради приличия принял ложку, зачерпнул кашицы из общей деревянной чашки и, хлебнув раз, вернул ложку Миронычу.

Александр выбежал во двор. Из конюшни, где уже стучали копытами, требуя корма, кони, он вывел любимого свое-

го Шермака. Не седлая, Александр обратал¹¹ коня, сорвал с гвоздя нагайку, разобрал поводья, вскочил на него и ударил по бокам коленками. Конь «дал козла» и, обернувшись на задних ногах, вынесся вихрем со двора.

– Александр! Куда? Не кормя коня? – грозно крикнул с крыльца вышедший в это время отец.

Сын его уже не слышал. Конь через убогую деревню, распугав гусей и уток, вынесся по дороге в лес.

Ветер свистел в ушах Александра, ветки хлестали по лицу и плечам, сучок разорвал рубашку и больно оцарапал лицо. Александр, вскрикивая, поощрял коня, потом повернул с дороги и вынесся на вершину холма. Из-за леса глянуло румяное солнце.

Осадив Шермака, Александр потрепал его по взмыленной шее и, вольно дыша, оглядывал даль. Его взорам представала земля, похожая на взбудораженное бурей и вдруг застывшее море. Гряды холмов волнами уходили до края неба. Темные еловые боры по долам синели, а гребни волнистых возвышенностей, казалось, были покрыты пеной березняков и осинников. Местность, прекрасная печальной, тихой и нежной красотой, ничуть и ничем не могла напомнить грозные горы до неба, увенчанные снеговыми шапками, и бездонные пропасти Альп с их кипучими стремнинами.

А в ушах Александра стояли шум и звон. Слышался ропот оробевших воинов Ганнибала перед вступлением в Аль-

¹¹ Обратать – надеть оброть, узду без удил.

пийские горы, рев горных потоков, нестройный гам обозов и боевые крики...

Александрю чудилось, что ночью была явь, а теперь он видит сон. Мальчик снова сжал бока коня коленками и хлестнул нагайкой. Конь взвился и помчался с бугра по жнивью вниз. Холм кончился крутым и высоким обрывом. Внизу внезапно блеснула светлая вода. Александр не держал коня. На краю обрыва Шермак, давно привычный к повадкам седака, сел на задние ноги и поехал вниз. Из-под копыт его катилась галька, передние ноги зарывались в желтый песок...

Конь вынес Александра на лужайку...

Всадник и конь скатились до самого заплеса, и Шермак остановился. Ноги коня вязли в мокром илистом песке, он переступал ногами, выдергивая их со звуком, похожим на откупоривание бутылки. Александр взглянул вверх. Круча была такова, что он не мог бы вывести коня обратно и на поводу. Шермак храпел, устав выдергивать ноги из песка. Ничего не оставалось, как переплыть реку, хотя можно было простудить разгоряченного коня. На той стороне берег сходил к реке отлогим лугом. Седок понукнул коня. Конь охотно ступил в воду, погрузился и поплыл. Ноги Александра по бедра ушли в воду. Он скинулся с коня и поплыл рядом, держась за гриву...

Конь вынес Александра на лужайку и остановился, ожидая, что еще придумает его своенравный седок. Александр промок совершенно. Ему следовало бы раздеться, развесить мокрое платье по кустам, чтобы обсушиться, – солнце уже ласково пригревало. Александр так бы и поступил, но конь вдруг закашлял. Мальчик испугался, что Шермак простудится от внезапного купания и захворает горячкой. Надо было его согреть. Не думая более о себе, Александр вскочил снова на коня, погнал его в гору и потом по знакомой лесной дороге к паромной переправе, чтобы вернуться домой. Конь

скоро согрелся на бегу, но зато, по мере того как высыхала от ветра одежда Александра, сам всадник коченел: руки его заледенели, ноги сводило судорогой... Боясь свалиться, Александр все погонял коня, и они достигли переправы в ту самую минуту, когда нагруженный возами с сеном паром готовился отчалить. Александр спешил и ввел коня на паром.

— Эва! — сказал старый паромщик. — Да это, никак, Василия Ивановича сынок! За почтой, что ли, скакал? Чего иззяб-то? Ляг, возьми тулуп, накройся...

Александр лег меж возами, и старик укутал его с головой овчинным тулупом. Переправа длилась короткое время, но все же Александр успел согреться и заснуть. Насилу его будились паромщик:

— Пора домой, барин!

Александр изумился, пробудясь. Солнце стояло уже высоко и сильно грело. По лугу ходил, пощипывая траву, конь. Паром праздно стоял на причале у мостков.

— Долго ли я спал? — спросил мальчик.

— Да отмахал порядком. Гляди, скоро полдни, — ответил паромщик. — Поди, тебя дома хватились. Не пропал ли, думает барыня, сынок?

Александр наскоро поблагодарил старика, вскочил на коня и поскакал домой.

Шермак, отдохнув, шел машистой рысью. Приблизилась родная деревня, а за ней в долине — родительский дом Александра, построенный еще в дедовские времена. Тогда дворя-

не редко возводили каменные дворцы на верхах холмов, не украшали их колоннами и бельведерами¹², а укрывали свои усадьбы от зимних выюг и морозов в долинах. Зато убогая, серая деревня Суворовых стояла выше усадьбы, открытая всем непогодам. Из-под нахлобученных шапками соломенных крыш угрюмо и устало смотрели тусклые оконца.

Да и усадьба не пышна. Она состояла из нескольких связей – срубов, соединенных под высоким шатром общей крыши из драни¹³, кое-где поросшей зеленым мхом. Покрашены только оконные ставни, столбики и балясины¹⁴ барского крыльца да ворота под широкой тесовой крышей и с резными вычурными верями¹⁵.

Миновав ригу, Александр удивился, что там не молотят. Неужто и в самом деле полдни?

Въезжая в усадьбу, Александр посреди двора увидел выпряженную повозку. Чужие кони хрумкали овес, встряхивая подвешенными к мордам торбами. Меж домом, кладовой и приспешной избой сновали дворовые, одетые в парадные кафтаны.

«Кто-то приехал», – догадался Александр.

– Вот уж тебе батюшка-барин пропишет ижицу¹⁶! – при-

¹² Бельведер – вышка, надстройка над домом.

¹³ Дрань (дранка) – здесь: мелкие дощечки, которыми покрыта крыша.

¹⁴ Балясины – невысокие фигурные столбики в виде колонн.

¹⁵ Вереи – столбы, на которые навешиваются ворота.

¹⁶ Прописать ижицу – сделать выговор, наказать розгами или ремнем (*устар.*,

грозил Александру Миронич, принимая от него поводыя. — Солеными розгами выпорет!

Не слушая дядьку, Александр бросился на крыльцо, надеясь незаметно проскочить сениями в свою светелку. Мать стояла в дверях, расставив руки. Напрасно Александр хотел юркнуть мимо нее: она поймала его, словно курицу.

От матери пахло листовым табаком и камфарой, потому что она нарядилась. На ней было шелковое зеленое с отливом платье. Оно всегда лежало в большом сундуке, где от моли все предохранялось табаком и камфарой. И если со звоном на весь дом в замке этого сундука повертывался огромный ключ, то все уже знали, что в доме произошло нечто важное: или приехал знатный гость, или будет семейное торжество, или получили необычайное известие из Санкт-Петербурга, или барыня собралась, что редко бывало, в гости к богатому соседу, почти родне, — Головину.

— Да что же это такое? — приговаривала мать, повертывая перед собой сына. — Да где же это ты себя так отделал? Весь в грязи, рубаха порвана, под глазом расцарапано! Да как же я тебя такого ему покажу?

— Кому, матушка? — тихо спросил Александр, прислушиваясь: из комнат доносился веселый громкий говор отца, прерываемый восклицаниями и смехом гостя. — Кто это, матушка, у нас?

— Да ты еще, голубь мой, не знаешь, какая у нас радость!

К нам явился благодетель наш, Ганнибал! Он уже генерал.

– Ганнибал?! – вскричал с изумлением Александр. – Матушка, да ты смеешься надо мной!

– Что же ты удивился? Чего ты дрожишь? Уж ты не простудился ли? – шептала мать, увлекая сына за собой во внутренние покои дома. – Пойдем-ка, я тебя приодену.

– погоди, матушка!.. Какой он из себя?

– Ну какой? Черный как сажа. А глаза! Белки сверкают, губы алые, зубы белые! Самый настоящий эфиоп!.. Идем! Идем!

Мать провела Александра в свою спальную и начала поспешно раздевать. Александр увидел, что на кровати разложен его праздничный наряд: белые панталоны, башмаки с пряжками, зеленый кафтанчик с белыми отворотами и золотыми гладкими пуговицами и коричневый пестрый камзол.

Умывая, одевая, прихорашивая сына, мать вертела им, как куклой.

– Да стой ты, вертоголов! Да что ты, спишь? Что ты, мертвый? Давай руку! Куда суешь?! – сердилась она.

Мальчика разбирал смех. Ему уже давно перестали рассказывать сказки, а он их любил. Теперь ему хотелось вполне поверить матери, что в дом их приехал карфагенский полководец Ганнибал, о котором он читал всю ночь. И жутко и смешно: мыслимое ли это дело!

Александр просунул голову в воротник чистой сорочки и, сдерживая смех, прошептал:

– Матушка, слышь ты, Ганнибал-то ведь давно умер!

– Полно-ка чушь городить!

– Да нет же, он умер давным-давно. Чуть не две тысячи лет. Он не мог совсем победить римлян и выпил яд. Он всегда носил с собой яд в перстне.

– Сказки! Идем-ка, вот ты его увидишь своими глазами, живого. Да смотри, веди себя учтиво, смиренно. Смиренье – молодцу ожерелье.

Мать взяла сына за руку, чтобы вести к гостю. Александр уперся. И чем больше уговаривала его мать, тем сильнее он упирался и наконец уронил стул. Возню их в спальней услышал отец. Разговор его с гостем прервался. Отец приблизился к двери, распахнул ее и сказал:

– А вот, отец и благодетель мой, изволь взглянуть на моего недоросля.

Александр вырвал свою руку из руки матери, вбежал в горницу и, широко раскрыв глаза, остолбенел. За столом сидел важный старик эфиоп с трубкой в зубах. Его завитой напудренный парик лежал на столе.

И гость молча разглядывал Александра. Сшитый на рост кафтанчик Александра мешковат. Из широкого воротника камзола на тонкой шее торчит голова со светлыми, немного навывкате глазами. Лоб мальчика высок. Как ни старалась мать пригладить светлые волосы сына помадой, надо лбом Александра торчал упрямый хохолок.

– Вы, сударь, Ганнибал? – преодолев смущение, недовер-

чиво спросил Александр.

Старик усмехнулся и, пыхнув дымом, кивнул.

– Подойди к руке! – шепнула на ухо сыну мать. – Не срами отца с матерью.

Александр по тяжелому дыханию отца, не поднимая головы, понял, что тот едва сдерживает гнев, но все же расхохотался... Отец так ловко дал ему крепкий подзатыльник, что мальчишка с разбегу ткнулся в грудь Ганнибала. Старик обнял его, приложил к его губам холодную иссиня-черную руку и посадил рядом с собой на скамью.

– Не гневайся, Василий Иванович, на малого! – добродушно сказал старик. – Не то что дети – и взрослые люди видом моим бывают смущены... Что делать, если я чёрен!

– Нет-нет! – воскликнул Александр, ободренный защитой гостя. – Батюшка не станет меня пороть. Не беспокойте себя, сударь, напрасно. Батюшка знал, наверное, что вы будете к нам, и ведь ничего мне не сказал, а дал мне читать про ваши битвы. Я всю ночь читал... Только... как же это? Да нет! Это не вы, сударь! Что за ерунда! – И Александр опять смутился и смолк.

Отец, угрюмо потупясь, опустился на скамью напротив сына. Мать стояла опустив руки.

– Да полно-ка, Авдотья Федосеевна, с кем же греха не бывает! Да и где же было еще отроку научиться светскому учтивству? И мы с Василием Ивановичем ни шаркунами паркетными, ни вертопрахами не бывали, а вот я – генерал, а Ва-

сий И Иванович – по должности полковник. Да и что нам чиниться: мы по отцу нашему, блаженной памяти императору Петру Алексеевичу, хотя и гораздо разных лет, братьями должны почитаться. И мой и твоего отца крестный отец, знаешь ли ты, – обратился Ганнибал к Александру, – царь Петр Первый. А я тебе по нему вроде родного дяди.

– А почему же, сударь-дядюшка, – спросил, осмелев, Александр, – вы Ганнибалом прозываетесь?

Ганнибал усмехнулся:

– Быть мне Ганнибалом – тоже воля Петра Алексеевича. Он так прозвал меня в чаении, что я свершу великие военные подвиги вроде моего карфагенского тезки. Смотри на меня, отрок, и поучайся. Ты видишь на плече моем эполет¹⁷ и аксельбант¹⁸. Я – генерал. Но из какого я возник ничтожества!.. Ты, стало быть, читаешь Ролленеву историю про Ганнибаловы похождения – сие похвально, хотя то и сказки. А вот послушай, коли тебе любопытно, мою простую историю. Не покажется ли она тебе сказкой, хотя то и было...

И отец и мать Александра успокоились, видя, что важный гость ничуть не рассердился на неловкие выходки их сына. Они с почтительным вниманием слушали неторопливый рассказ Ганнибала, хотя только одному Александру рассказ этот был новым.

¹⁷ Эполеты – наплечные знаки различия воинского звания на военной форме.

¹⁸ Аксельбант – наплечный нитяной плетеный шнур с металлическими наколочниками.

– Был я арапчонком в серале¹⁹ у турецкого султана, откуда меня выкрали, потом привезли в невскую столицу и подарили Петру. Коль скоро я вырос, Петр Алексеевич послал меня в Париж учиться военным наукам. Вернулся я, гораздо зная инженерное дело и фортификацию²⁰, и сделан был капралом Преображенского полка. В мое капральство отдали из недорослей нескольких солдат, с тем чтобы я их научил арифметике, тригонометрии, геометрии планов, фортификации. В моем капральстве был твой отец, о чем, я чаю, он тебе говорил...

Василий Иванович проговорил, вздыхая:

– Беда моя, что Александр только военными делами и бредит!

– Какая же в том беда?

– Да вот спроси мою Авдотью Федосеевну, – с досадой ответил Василий Иванович. – Она мать...

Авдотья Федосеевна не садилась и чинно слушала разговор мужчин, сложив жеманно руки накрест. Когда же Ганнибал к ней обратился, она церемонно присела и ответила:

– Помилуй, государь мой, да какой же из Сашеньки воин выйти может? Ему двенадцатый ведь годок, а дать можно от силы девять. Хилый, хлипкий. Солдату надо быть уверенно-

¹⁹ Сераль – внутренние покои султанского дворца, а также гарем – покои для наложниц.

²⁰ Фортификация – область военно-инженерного искусства, наука о способах создания искусственных укреплений и препятствий для защиты войск.

му, красивому, видному, а он у меня, как девочка, застенчив. А хоть он мне мил и такой, голубчик, – какой же из него может выйти генерал? Вот вы, сударь мой, у вас и осанка, и рост, и вид, и красота мужская, – польстила в заключение сановному гостю Авдотья Федосеевна.

– Я сейчас, сейчас! – внезапно срываясь со скамьи, закричал Александр и выбежал из горницы в сени.

– Что с ним? Живот схватило? Или я ему наскучил? – изумился Ганнибал, прислушиваясь к топоту по лестнице.

– Помилуй, что ты, Абрам Петрович! Он у нас уж такой перпетуй-мобиль²¹!

– Василий Иванович, в какой ты записал Александра полк? В свой, Преображенский? – спросил Ганнибал.

– Ни в какой.

– Как же это могло случиться? Ты упустил столько времени! Ведь сверстники его уже капралы.

– Вина не моя... Родился он у нас хилый. Я думал было тотчас же записать в свой полк – мать вступилась. Я подумал: куда спешить? Погодим – может быть, он и не выживет. Прошел годок, а тут вышел указ, чтобы младенцев в полки не записывать. Так и вышло, что сверстники моего Александра в двенадцать лет капралы, а он остался у нас на руках недо-рослем.

– Да знаешь ли ты, что прежний указ потерял силу и мож-

²¹ Искаженное «перпетуум-мобиле» (лат. *perpetuum mobile*) – «вечный двигатель».

но теперь недорослей записывать?

– Знаю, но не раньше тринадцати лет. Стало быть, так: опять Александру год дожидаться...

Испытание

Скача «в три ноги», в горницу ворвался Александр и положил на стол перед Ганнибалом книжку, бережно завернутую вместо переплета в обложку из цветной «мраморной» бумаги.

– Ба! Ба! – воскликнул Ганнибал, развернув книгу. – Так это твое, Василий Иванович, переложение Вобана²²? – Ганнибал начал читать:

Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана на французском языке, ныне же переложен с французского на российский язык Василием Суворовым, напечатался повелением Его Величества Петра Великого, Императора Самодержца Всероссийского, в Санкт-Петербургской типографии лета Господня 1724 года.

Ганнибал положил перед собой на стол книгу и взирал на нее с видимым удовольствием.

Преодолев робость, Александр подошел к нему и доверчиво припал к его плечу.

²² Вобан Себастьян Ле Претр де (1633–1707) – выдающийся военный инженер, маршал Франции, писатель.

– Ты читал эту книжку, надеюсь, внимательно?

– «Истинный способ» я знаю от слова до слова! – пылко воскликнул мальчик.

Василий Иванович вставил:

– Я по Вобану учил его французскому языку. Он и на французском наизусть знает.

– Хорошо. Проэкзаменуем. Отойди несколько назад. Стань там. Ответствуй: что есть фортификация?

– По-французски? – спросил Александр.

– Нет, зачем же: русский язык будет повальяжней²³.

– «Фортификация есть искусство укреплять города рампарами²⁴, парапетами, рвами, закрытыми дорогами, гласисами²⁵, для того чтобы неприятель такое место не мог добывать без потери многих людей, а которые в осаде, могли бы малолюдством против многолюдства стоять», – бойко, по-солдатски, отчеканил Александр.

– Отменно! – похвалил Ганнибал, проверяя ответ мальчика по книжке. – Что есть авангардия?

– «Авангардия есть часть армии, еже марширует перед корпусом баталии».

– А что есть граната? – спросил по книжке Ганнибал.

– «Граната есть ядро пустое, в которое посыпают порох, в ее же запал кладут трубочку. Употребляют оную для зажи-

²³ Вальяжный – представительный, видный.

²⁴ Рампар – заграждение типа баррикады.

²⁵ Гласис – пологая земляная насыпь перед рвом крепости.

гания в местах тесных и узких и чтоб врознь разбить солдат от того места, где бы они ни собрались».

Перебирая страницы, Ганнибал задавал вопросы и, выслушивая ответы Александра, приговаривал:

– Отменно! Отменно! Можно только дивиться...

Василий Иванович сиял, слушая ответы сына, а мать ревниво усмехалась.

– Он и «Юности честное зерцало»²⁶ от слова до слова знает, – решила она сказать. – Испытайте его, сударь мой.

– Ну что ж, – снисходительно сказал Ганнибал, – отроку не мешает знать правила учтивости. А есть у вас «Зерцало»?

Принесли и эту книгу, и Александр без особой охоты ответил на несколько вопросов о том, «како отроку надлежит быть».

Авдотья Федосеевна, женщина очень набожная, не преминула кстати похвастаться тем, что сын прекрасно знает церковную службу. И Александр прочитал наизусть Шестопсалмие²⁷.

Ганнибал, крещенный в семь лет, был беспечен в церковных делах. Ему оставалось принять на веру, что мальчик знает и церковную службу не хуже, чем «Истинный способ укрепления городов».

²⁶ «Юности честное зерцало» – русский литературно-педагогический памятник для обучения и воспитания (1-е изд. – 1717 г.). Написан сподвижниками Петра I.

²⁷ Шестопсалмие – в православии важная часть утрени, состоящая из шести псалмов.

– Дьячок, прямо дьячок! – похвалил Ганнибал. – Блаженной памяти Петр Алексеевич поцеловал бы непременно отрока вашего. Позвольте мне это сделать в память нашего отца и благодетеля.

Ганнибал достал шелковый платок, вытер губы и, отведя рукой голову Александра назад, поцеловал его в лоб.

Испытание продолжалось. Оказалось, что младший Суворов знает немного по-французски и по-немецки, а по-русски пишет не хуже самого генерала. Считал мальчик быстро, а память у него была отменная.

– Ну, скажи: кем же ты хочешь быть?

Мальчик, потупясь, молчал.

– Матушка твоя, кажись, хочет видеть тебя архиереем?

Александр рассмеялся и, лукаво подмигнув матери, закричал:

– Кукареку!

– Ганнибалом? – продолжал допрашивать генерал.

– С вами, сударь, их уже два. Я не хочу быть третьим.

– Ты хочешь быть первым? Ого! А хочешь быть солдатом?

– Да! – кратко ответил Александр.

– Посмотри-ка ты на себя в зеркало, герой! – воскликнула мать.

Мальчик взглянул на себя в зеркало, и все посмотрели туда.

– Да, неказист! – бросил сквозь зубы отец.

Александр скорчил в зеркало не то себе, не то Ганнибалу

рожу и отвернулся:

– Я не такой!

– Когда б он был записан в полк в свое время, то был бы теперь уж сержант, а то и поручик! – досадливо заметил Василий Иванович.

– Время не упущено, – возразил Ганнибал.

– Решено: запишу тебя, Александр, в полк! – стукнув по столу ладонью, сказал Василий Иванович.

Александр быстро взглянул на мать. Она заголосила, протягивая к сыну руки:

– Родной ты мой, галчоночек ты мой! Отнимают первенского моего от меня!..

– Ну, матушка, отнимут еще не сразу. Годика три дома поучится. Полно вопить!.. Достань-ка нам семилетнего травничка. Надо нового солдата спрыснуть. Да и поснедать пора: час адмиральский!

Авдотья Федосеевна, вытирая слезы, ушла, чтобы исполнить приказание мужа.

– Ну, Александр, теперь ты доволен? – спросил сына отец, когда мать вышла.

Ганнибал усмехнулся:

– Да что откладывать – еще передумаешь! Пиши, сударь, прошение, пока государыня Елизавета Петровна в Москве, я и устрою все это дело, – посоветовал гость.

– Сынок, подай перо и бумагу! – приказал Василий Иванович.

Александр быстро принес из спальни ларчик, открыл его и подал отцу чернильницу, песочницу, гусиное перо. Тот, обмакнув перо в чернила, задумался.

– В какой же полк тебя писать? – глядя на сына, спросил Василий Иванович. – В Преображенский? И дядя твой, Александр Иванович, в Преображенском, и я в Преображенском. Выходит, и тебе в Преображенский.

– Батюшка, – тихо сказал Александр, – пишите меня в Семеновский.

– В Семеновский? Почему же?

– Да мне матушку жалко стало: ей трудно со мной сразу расставаться. Преображенский в Петербурге, а Семеновский полк в Москве квартирует... Всё ближе к дому.

– В Семеновский полк не запишут: у нас в Семеновском родни нет.

– А Прошка Великан? – напомнил Александр. Василий Иванович усмехнулся.

– Кто же это будет – Прошка Великан? – спросил Ганнибал.

– Прошка-то? Вы не знаете? – удивился Александр. – Его батюшка за то в солдаты отдал, что он кобылу огрел оглоблей да спину ей сломал. К тому же озорник. Все дрался: ударит, а мужик и с копыльев долой. Батюшка его и сдал. Царица послала его с другими великанами к прусскому королю Фридриху²⁸. А у Фридриха пушка в грязи завязла. Велел

²⁸ Фридрих II (1712–1786) – король Пруссии с 1740 г.

король своим солдатам пушку тащить – десять вытащить не могут. Отступились. Прошка подошел, крякнул, один пушку из грязи вынул да на сухое место и поставил. Только и сам повалился около пушки: у него жила лопнула. А когда жилу ему срастили, выходили, то отпустили его домой...

– Да как же Прошка с лопнутой жилой в строю?

– Да он ничего еще, только тяжелой работы не может.

– Чудо-богатырь! В Москве непременно погляжу на Прошку, – сказал, рассмеявшись, генерал. – А ты еще не знаешь, Василий Иванович, что Никита Соковнин в Семеновский полк вернулся?

– Неужто? Какой поворот судьбы! Никита Федорович Соковнин мне друг и приятель. Истинно ты, Абрам Петрович, чудесные вести принес!

Глава вторая

Жребий брошен

Морозным утром Василий Иванович Суворов стоял в стеганом ватном архалуке²⁹ на покрытом инеем крыльце.

В это время во двор усадьбы въехал верховой, соскочил с коня, привязал его к воротному кольцу и, сняв шапку, подал барину письмо.

Взглянув на печать, Суворов понял, что письмо от Ганнибалы. Василий Иванович вскрыл пакет, прочитал письмо и велел нарочному идти в приспешную и сказать, что барин приказал поднести ему вина.

Василий Иванович вошел в дом. В горнице Александр читал матери вслух книгу в кожаном переплете – «Житие благоверного князя Александра Невского». На полу возилась с лоскутками Аннушка, наряжая деревянную куклу.

– Оставь читать! – произнес Василий Иванович. – Ты стоишь у мёты³⁰ своих желаний.

Он прочитал жене и сыну письмо Ганнибалы. Он писал, что премьер-майор Соковнин снизошел к просьбе Василия

²⁹ Архалук – кавказский короткий кафтан с высоким стоячим воротником.

³⁰ Мета – цель.

Ивановича – прошение Суворова уважено. «По сему господа полковые штапы³¹ тысяча пятьсот сорок втором году октября двадцать второго дня приказали недоросля Александра Суворова записать лейб-гвардии Семеновский полк в солдаты сверх комплекта, без жалованья и со взятием обязательства от отца его отпустить в дом на два года. Недоросль Александр Суворов имеет обучаться во время его в полку отлучения на своем коште указным наукам, а именно: арифметике, геометрии планов, тригонометрии, артиллерии, части инженерии и фортификации, тако ж из иностранных языков да и военной экзерциции³² совершенно, и о том, сколько от каких наук обучится, каждые полгода в полковую канцелярию для ведома репортовать».

По-разному приняли известие, полученное от Ганнибала, Александр и его мать.

Едва дослушав письмо до конца, Александр захлопнул книгу, закричал петухом, запрыгал по горнице, затем кинулся обнимать отца, хотел выхватить у него письмо, чтобы самому прочесть, за что получил подзатыльник. Мальчик выпрямился и, стоя с протянутой рукой посреди комнаты, возгласил:

– «Цезарь, стоя на берегу Рубикона и обратясь к приятелям, между коими был славный Азинний Полоний, сказал им: „Мы еще можем вспять

³¹ Полковые штапы – полковое начальство, члены штаба полка.

³² Экзерциция – строевое и тактическое обучение войск.

возвратиться, но если перейдем сей мосточек, то надобно будет предприятие до самого конца оружием довести. Пойдем же, куда нас зовут предзнаменования богов и несправедливость супостатов наших. Жребий брошен“».

– Ах ты, Аника-воин! – с горестной насмешкой воскликнула мать. – Да ты погляди на себя в зеркало, какой ты есть Юлий Цезарь!

Александр растерянно взглянул на мать и повернулся к зеркалу, откуда ему в глаза глянул не Юлий Цезарь, не римский всадник, а растрепанный, невзрачный мальчишка с рыжеватой челкой, спущенной на лоб. Он отвернулся от зеркала, кинулся к матери и припал к ней, спрятав голову в ее коленях.

Мать, обливаясь слезами, приглаживала вихры сына. Аннушка бросила куклу и громко заплакала.

Василий Иванович приблизился к жене, опустился рядом на скамью, обнял ласково, пытаясь ее «разговорить»:

– Полно-ка, матушка. Голиаф³³ мы с тобой не породили. Эка беда! Не все герои с коломенскую версту. Принц Евгений Савойский³⁴ тоже был мал ростом, но совершил великие дела. А звали его «маленький попик». Вот и тебя зовут, сынок, барабошкой. Одно скажу тебе, Александр. У челове-

³³ Голиаф – великан-фелистимлянин, убитый в единоборстве пастухом Давидом, ставшим потом царем (*библ. миф.*).

³⁴ Евгений Савойский (1663–1736) – полководец Священной Римской империи германской нации, генералиссимус.

ка два портрета, две персоны бывают – внутренняя и наружная. Береги, сынок, свою внутреннюю персону: она поважней, чем наружная. Будь такой, каков есть. Не для чего нам в зеркало глядеть. Мы не бабы.

Авдотья Федосеевна горестно вздохнула.

– Василий Иванович! Чует сердце мое: сложит Сашенька в поле буйну голову!

Василий Иванович встал со скамьи.

– Не все воины, матушка, на поле брани погибают. Некий философ, когда его спросили, что он почитает более погибельным: бездны ли земные, пучины ли морские, хлады неносные, жары палящие, поля бранные или мирные пашни, – отвечал тако: «Не утлая ладя среди бушующего моря, не скользкий край пропасти, не поле брани, а ложе ночное – самое смертное и опасное место для человека, ибо больше всего людей в кровати своей помирают. Однако мы каждый вечер в постель без боязни ложимся».

– А чего до поры до времени натерпится в учении солдатском? Сам ты Петровой дубинки не пробовал? А Ганнибал? А Головин Василий Васильевич? Чего-чего он не вытерпел! Чуть ума не лишился, горячкой занемог...

– Да, немало Василий Васильевич в Морской академии натерпелся!

– Вышел в отставку, – продолжала Авдотья Федосеевна. – Кажись, ладно. И тут опять поганый немец Бирон³⁵ его взял.

³⁵ Бирон Эрнст Иоганн (1690–1772) – граф, герцог Курляндии и Семигалии,

Чего не натерпелся Василий Васильевич в руках палача! На дыбу его поднимали, под ногами огонь разводили, лопатки вывертывали, по спине каленым утюгом гладили, кнутом били, под ногти гвозди забивали... Господи боже мой! И за что?

– Не страшай сына, мать! Сие время перестало. Бирона нет, а у нас ныне царствует дочь Петрова, кроткая Елисавет. Что до Василия Васильевича, так царь Петр еще отца его не любил, да и как любить, ежели тот был другом царевны Софии? Бунтовщик! Вот ежели ты хочешь в сыне своем угасить ревность воинскую, возьми да свези его к Василию Васильевичу. Пускай-ка он ему и порасскажет, сколь горек корень военного учения. Авось он отговорит Александра. Да кстати спроси, запишет ли Головин и своего Васю в полк.

– И то! – согласилась Авдотья Федосеевна.

– Пошли Головиным сказать, что завтра у них будете. А теперь, Саша, довольно матери платье слезами мочить. Едем в поле. Собирайся.

Александр резво вскочил на ноги. Припрыгивая, он пустился вслед за отцом.

На дворе поднялся радостный лай собак. Егеря седлали коней. Затрубил рог. Суворов с сыном уехал в поле.

Авдотья Федосеевна написала подруге своей, Прасковье Тимофеевне Головиной, записку, что завтра к ней прибудет с сыном, и, послав верхового, успокоилась совсем.

Василий Иванович и Александр вернулись домой в сумерках «с полем» – затравили на озимых двух русаков. За столом Василий Иванович выпил водки и предложил сыну:

– Ну-ка, Александр, выпей первую солдатскую чарку.

Александр не решился.

– Пей, если батюшка приказывает, – поощрила его с насмешкой мать. – Он тебя всей солдатской науке наставит.

Александр отпил глоток из отцовской чарки, поперхнулся и как бы нечаянно пролил остаток водки. Отдуваясь, он высунул обожженный язык и принялся вытирать его краем скатерти.

Отец рассмеялся.

Утром Авдотья Федосеевна нарядилась в свое зеленое платье. Александра одели в нарядный кафтанчик с золотыми пуговицами и белые панталоны.

Василий Иванович распорядился лошадьми. К крыльцу подали возок с лубяным верхом, запряженный тройкой. Авдотья Федосеевна, в салопе³⁶ и теплом чепце, с помощью Мироныча и сенной девушки долго устраивалась в повозке так, чтобы не помять своего роброна³⁷.

Потом Александр живо забрался в возок и уселся там бочком, стараясь не помять платье матери.

– Трогай! – крикнул Василий Иванович с крыльца.

³⁶ Салоп – верхняя женская одежда, широкая, длинная накидка с прорезями для рук и небольшими рукавами.

³⁷ Роброн – старинное женское платье с круглой, на обручах, юбкой и шлейфом.

Тройка подхватила, и возок выкатился за ворота.

Два века

Печальные осенние поля лежали вокруг да колкое жнивье, на котором паслась скотина. Облетевшая листва деревьев местами устилала дорогу богряно-желтым ковром.

Хотя Головины и считались Суворовым роднёй, Александра туда везли впервые. Он и радовался, и боялся – чего, сам не знал, – и торопил время. В одном месте дорогу тройке перебежала тощая, одичавшая за лето кошка. Она мяукала – вспомнив, должно быть, теплую печку – и страдала по легкомысленно покинутому дому.

– Кошка! Уж не лучше ли вернуться? – пробормотала Авдотья Федосеевна.

Александр понял, что мать чего-то боится.

– Кошка, матушка, не заяц! – попробовал Александр успокоить мать.

Кучер, не оборачиваясь, подтвердил:

– Кошка – к доброй встрече. Да ведь и то: бабьи приметы! Вот если попа встретишь, поворачивай оглобли. Это наверняка.

Часа через два на вершине холма, над серым от зябкой осенней ряби прудом, завиднелась новая усадьба Головиных – высокий дворец с большими окнами, белыми колоннами и круглой беседкой над лепным фронтоном красной крыши.

Кое-где еще виднелся необрунный строительный мусор: битый кирпич, бревна, доски. Зияли известковые ямы. Торчали стойки необрунных лесов. Постройка дома только что закончилась. Правым от подъезда крылом дворец вплотную примыкал к старому одноэтажному, тоже каменному дому с железными ставнями на маленьких оконцах, построенному, пожалуй, в начале прошлого века, но стоявшему несокрушимо. Век нынешний и век минувший стояли плотно один к другому.

Авдотья Федосеевна велела кучеру подъехать к главному входу нового дворца. Тройка остановилась у дверей с зеркальными стеклами.

Из-за двери выглянуло чье-то испуганное лицо и спряталось. Долго никто не появлялся.

– Матушка, поедem назад, домой! – сказал Александр. – Нас не хотят пускать...

– Помоги мне выбраться.

Александр выпрыгнул из возка и подал руку матери. Она, кряхтя и бранясь, выбралась из экипажа.

– Смотри, не осрами меня в людях, – наставляла она сына. – Больше всего молчи. А если спросят, говори: «Да, сударь», «Да, сударыня».

– А «нет» нельзя? – спросил Александр.

Мать не успела ответить: зеркальная дверь отворилась, и оттуда выскочила сухая женщина, вся в черном, с пронырливыми светлыми глазами. Это была домоправительница Голо-

вина, Пелагея Петровна.

– Батюшки мои! Да это, никак, Авдотья Федосеевна! – воскликнула Пелагея Петровна. – Пожалуйте ручку, сударыня! Здравствуйте, матушка-барыня! Давненько к нам не жаловали. Сашенька-то как вырос – и не узнать! Пожалуйте, пожалуйста!..

Пелагея Петровна пропустила гостей в переднюю залу, велела кучеру отъехать на конный двор и заперла дверь на ключ.

В передней не было ни дворецкого, ни слуг. В доме стояла глубокая тишина.

– Как здоровье Василия Васильевича? – спросила Авдотья Федосеевна.

– Слава богу...

– А здоровье Прасковьи Тимофеевны?

– Тоже слава богу...

– Да что же это я ее не вижу? – обиженно проговорила Авдотья Федосеевна.

В былое время подруга всегда выбегала ей навстречу, чтобы обнять на самом пороге дома.

– Да все ли у вас благополучно? Тишина в доме, словно все вымерли...

– Ох, барыня-матушка! Коли правду сказать, не в час вы к нам пожаловали. Преогромное у нас несчастье приключилось! Такое уж несчастье, что и не знаю, как сказать. Господь нас за грехи карает!

– Да не пугай ты, Пелагея Петровна, – вишь, у меня ноги подкосились. Сказывай же!

Авдотья Федосеевна грузно опустилась на диван, сгорая от любопытства.

– Любимый-то кот барина, Ванька, залез в вятер³⁸ с живыми стерлядями, пожрал их всех, назад полез да в сетке и удавился!

– Насмерть?

– Насмерть, государыня, насмерть. Совсем окочурился кот. Было это еще утром. Стерлядей паровых заказал барин ради тебя, зная, что любишь. А теперь что мы будем делать? Как сказать про кончину котову? Матушка моя, да я и о твоём приезде доложить не смею... Покарал нас Господь!

– Да неужто вы все тут с ума посходили?! – рассердилась наконец Авдотья Федосеевна. – Не домой же мне теперь ехать! Дайте хоть согреться. Уж если хотите, я сама ему про Ваньку-кота доложу...

– Ой, государыня-матушка! – воскликнула Пелагея, и на лице ее появился сначала испуг, а потом радость. – Тебя-то он, матушка, выпороть не смеет и в дальнюю ссылку не пошлет... Уж вот вызволишь ты нас!

Пелагея Петровна убежала на цыпочках. Александр, осматриваясь, дивился и пышным завиткам лепного потолка, и узорчатому паркету, и высоким золоченым подсвечникам, в которых свечей еще ни разу не зажигали, – от свечи к

³⁸ Вятер – домашний садок для живой рыбы, покрытый редкой сетью.

свече тянулись по фитилям пороховые зажигательные нити. Два рыцаря в латах, с опущенными забралами, в стальных перчатках сторожили, опираясь на огромные мечи, вход во внутренние покои. Над огромным мраморным камином стояли между двумя китайскими вазами золоченые часы.

Стояла угрюмая тишина. Часы торопливо тикали. Так прошло еще порядочно времени. Стрелка приблизилась к трем, а часы прозвонили семь. В доме, откуда-то из глубоких покоев, подобно морской волне, набегающей на плоский песчаный берег, пронесся, возрастая, шорох. Дверь наверху лестницы распахнулась, по бокам ее встали в белых париках, голубых ливреях, шитых серебром, и в узких белых панталонах два бритых лакея. Затем в дверях показался важный господин в голубом кафтане. Авдотья Федосеевна подтолкнула Александра и встала с дивана.

Господин в голубом, несмотря на тучность, низко поклонился гостям и медленно и отдельно произнес:

– Добро пожаловать, государыня Авдотья свет Федосеевна с наследником Александром Васильевичем!

– Это он? – шепотом спросил у матери Александр. – Кланяться?

– Что ты! Что ты! Это дворецкий, – ответила Авдотья Федосеевна. Она сама едва удержалась, чтобы не ответить дворецкому тем же низким поклоном.

– Здравствуй, Потапыч, – проговорила она, приосанясь. – В добром ли здравии Василий Васильевич и Прасковья Ти-

мофеевна?

– Вашими молитвами, барыня...

Дворецкий еще раз низко поклонился, повернулся и пошел впереди. Мать пошла за ним, держа Александра за руку. В то мгновение, как закрылись двери позади них, впереди распахнулись вторые. И стали по бокам еще два лакея в голубом посеребренном платье, в башмаках с пряжками. Первая пара лакеев обогнала гостей и пошла позади дворецкого. Затем открылось еще двое дверей, и наконец шествие, открываемое дворецким и шестью лакеями за ним, остановилось перед четвертой низкой одностворчатой дверью, обитой по войлоку рогожей и накрест драницей, точь-в-точь как у Суворовых при входе из сеней в прихожую. Дворецкий тихо стукнул в дверь и по монастырскому уставу прочел короткую молитву, прося разрешения войти.

– Аминь! – слышалось из-за дверей.

Дворецкий открыл дверь. Лакеи выстроились по сторонам ковровой дорожки и с низкими поклонами пропустили Суворову с сыном вперед. Авдотья Федосеевна вошла в следующий покой, у дверей церемонно, с приседанием, поклонилась и прошептала сыну:

– Да кланяйся же, неуч!

Александр отвесил в ту сторону, куда кланялась мать, почтительный поклон, и когда поднял голову, то удивился. Здесь было почти темно. Скучный свет осеннего дня едва сочился сквозь густой, свинцовый переплет маленьких окон

со слюдяными стеклами. Нависли расписанные травами своды, некрашенный, из шашек соснового паркета пол скрипнул под ногами дворецкого, который тихо попятился и пропал. Убранство покоя было очень просто. Те же дубовые скамьи, что в родном доме Александра, впрочем покрытые коврами.

Наконец Александр увидел и того, кому, не видя, поклонился. В кресле-качалке сидел сам Василий Васильевич Головин. Из-под его сдвинутых, похожих на ласточкины крылья бровей смотрели, искрясь веселой насмешкой, карие глаза, румяные губы улыбались. Около него, положив руку на его плечо, стояла высокая, статная дама в богатом синем с серебром роброне. Ее прекрасные пышные волосы, причесанные по моде, с буклями, казались от пудры с проседью, а в ушах сверкали, соперничая с глазами, два яхонта³⁹ с лесной орех. А рядом стоял, прижавшись к ней, мальчик в алой косоворотке, плисовых⁴⁰ шароварах и козловых сапожках на высоких красных подборах⁴¹.

Авдотья Федосеевна сделала реверанс, говоря:

– Здравствуй, государь мой Василий свет Васильевич!

– Здравствуй и ты, государыня Авдотья Федосеевна!

Александр еще раз поклонился хозяину, изучающе смотревшему на него.

Наконец Головин промолвил:

³⁹ Яхонт – старинное название рубина и сапфира.

⁴⁰ Плисовые – из хлопчатобумажного бархата.

⁴¹ Подборы – каблуки.

– Прасковья, чего ж, не рада, что ли, гостям? Пнем стоишь!

Произошло общее движение. Гостья и хозяйка кинулись одна к другой в объятия с восклицаниями и поцелуями. А мальчик подошел к Александру и, потянув за рукав, прошептал ему на ухо:

– А у нас кот Ванька удавился!

– Нам уже сказывали.

– Вот беда!

– Да какая же беда? Эка штука – кот!

– Да ведь какой кот! Кто теперь батюшке скажет?

– А не все одно кто?

– Да ведь он того пороть велит, а то и на торфы сошлет...

– Чего вы шепчетесь, Вася? – строго спросил сына Василий Васильевич.

– Да я, сударь-батюшка, спросил, как его звать...

– Что ж, у него имя долгое – никак не выговорить?... Ну, сударыня, – обратился хозяин к гостье, – угощу же я тебя сегодня! Сурскими стерлядями!..

Все, застыв, молчали.

Храбрец

Жена Василия Васильевича побледнела. Александр взглянул на нее и испугался. Он подумал: вдруг это она скажет про кота и муж велит конюхам выстегать ее плетью! Хозяй-

ка шевельнула губами, но Александр предупредил ее.

– Стерлядей-то кот съел! – сказал он, учтиво кланяясь хозяину.

– Как так?! – вскочив с кресел, закричал Василий Васильевич. – Ванька? Подать кота сюда! А кто за котом смотрел?

Вася подбежал к своей матери и, ухватясь за ее платье, испуганно смотрел на храбреца. Авдотья Федосеевна искала глазами скамью: у нее подкосились ноги.

– Позвать Пелагею Петровну! Пелагея! Пелагея! – кричал Василий Васильевич.

Вбежала Пелагея и, видя, что барин гневается, прямо бухнулась перед ним на колени и, стуча об пол лбом, лепетала:

– Не вели казнить, батюшка! Не знаю вины своей... Прости ты меня, нижайшую рабу твою!.. Не вели казнить!..

– Перестань причитать! Это верно, что кот Ванька стерлядей съел?

– Верно, батюшка. Съел, окаянный, съел!

– Всех?

– Всех, батюшка-барин, всех.

– Поди принеси кота! Как это мог кот столько рыбы сожрать?

– Да он только испакостил: у той голову отъел, у другой хвост...

– Подай сюда кота!

Пелагея упала ничком перед барином и, целуя сапог, молча мочила его слезами...

Александр выручил и ее.

– Кот-то, сударь, сам испугался да и убежал в рощу, – сочинил Александр.

– А ты откуда узнал?

– Да я сам видел: едем, а кот в рощу бежит...

– Какой масти кот?

– Да серый кот. Ну, малость хвост бурый. Огромный кот. С зайца.

– Верно. Да ты не врешь ли, малый?

– Он у меня на глаз такой быстрый, – похвасталась сыном Авдотья Федосеевна, – все сразу видит...

– Пелагея, встань! Кота, когда вернется, отправить в ссылку в Прозорово. Кроме вареной невейки, никакого продовольствия ему не отпускать. Пускай-ка поест черной каши!

– Слушаю, государь.

– Ступай. Коли б ты сама сказала, ну а гостя – выручил он тебя – пороть не приходится. Возрастай непытанный, немученный, ненаказанный. Грехи до семи раз прощаются. Прошу дорогих гостей в трапезную нашу палату!

Хозяин поднялся с кресел и пошел впереди в столовую. За ним последовала хозяйка, пересмеиваясь с Авдотьей Федосеевной и кивая на мужа. Вася, ведя за руку Александра, прошептал:

– Какой ты смелый!

– А чего мне бояться? Ведь меня в Семеновский полк записали.

– Нынче пять кошек будут без обеда. Вот увидишь... Тоже – «солдат»! Я матушку попрошу, и меня запишут. Ты смотри за столом помалкивай, а то худо будет.

Трапезная палата находилась тоже в старом доме. В низкой сводчатой комнате, освещенной множеством восковых свечей, в поставцах и на полках сверкали затейливые бутылки, стаканы, кубки из цветного стекла, серебряные ковши и чаши, высокие фарфоровые кувшины и кружки, оправленные в серебро. По коврам на стенах были развешаны ятаганы⁴² в ножнах, украшенных цветными камнями, огромные мечи и маленькие кинжалы, допетровские стрелецкие бердыши⁴³ и боевые топоры, но не было ни одного мушкета⁴⁴ и ни одного пистолета: видимо, хозяин не любил огнестрельного оружия.

Посреди трапезной, у круглого стола с семью ножками, стояло семь стульев с высокими спинками. За стульями на вытяжку, по-солдатски, стояли лакеи в цветных кафтанах и париках. За стулом со спинкой повыше других стал сам дворецкий, в углу под иконой дожидался поп, мелко тряся седой головой.

Александр увидел, что на каждом стуле на шелковой по-

⁴² Ятаган – клинковое колюще-режущее холодное оружие с кривым длинным однолезвийным клинком, имеющим двойной изгиб.

⁴³ Бердыш – холодное оружие в виде топора, насаженного на длинное древко.

⁴⁴ Мушкет – вид старинного ручного огнестрельного оружия с фитильным замком.

душке лежит сытая старая кошка, привязанная лентой к ножке стула.

Поп низко поклонился хозяину, прочитал молитву и ушел, всё кланяясь. По знаку хозяина дворецкий и четверо лакеев отвязали пять кошек и вынесли их на подушках. Кошки, видимо, привыкли к этой церемонии и лежали на подушках спокойно. Два лакея остались за теми стульями, где, не тревожась, лениво дремали остальные две кошки. Хозяин молча указал каждому его место. По правую руку от него занял место сын, правее его – хозяйка, по левую руку – Александр, а дальше – его мать. Все это происходило в полном молчании. Ни хозяин, ни сын, ни хозяйка, ни гости не проронили ни слова. Александр всему дивился, поглядывая на унылые лица слуг и испуганного Васю. Александр ему улыбнулся. Вася в испуге закрыл глаза. Взоры хозяйки и Александра встретились, и он увидел, что в глазах ее прыгают веселые зайчики. Александр рассмеялся вслух.

– Вторая вина! Трапезуй в безмолвии. И вторая вина прощается! – с угрозой сказал хозяин.

Александр догадался, что хозяин во всем держится числа семь и, значит, ему можно безнаказанно совершить еще четыре преступления.

Дверь отворилась. Вошли семь поваров в белых колпаках и поставили на стол семь блюд, сняли с них крышки и, поклонившись, молча вышли.

Снова открылась дверь, и в трапезную, шагая в ногу, во-

шли четырнадцать лакеев в красных с золотом кафтанах, с напудренными волосами и длинными белыми полотенцами, завязанными галстуком на шее.

Обед начался. Лакеи накладывали каждому из трапезующих по очереди из семи блюд. Первое блюдо оказалось щами. Александр, подражая хозяину, съел полную тарелку, дивясь, что остальные только отхлебнули по ложке. А две кошки, которым тарелку подносили лакеи, только понюхали и отвернулись. Каждой кошке, как и людям, служили двое: накладывали из всех семи блюд поочередно, меняли тарелки и приборы. Ни второго, ни третьего, ни четвертого, ни пятого, ни шестого, ни седьмого блюда никто, кроме хозяина, даже не отведал, и казалось, что и обеду конец. Но лакеи проворно убрали всё, дверь раскрылась в очередной раз, и вошли опять семь поваров с мисками, поставили их на стол и, сняв крышки, с низкими поклонами удалились. Во второй перемене первым блюдом был поросенок с гречневой кашей.

– Мне только каши! – сказал Александр лакею.

– Третья вина! Яждь то, что предлагается, – ответил на дерзость Александра хозяин. – И третья вина прощается...

Дрожь охватила Александра. Головин ел неопрятно, нагромождая около своего прибора корки хлеба и кости. Много пил вина, соль брал из солонки перстами, а пороссячью ножку взял прямо в руку и грыз ее, ворча что-то про себя и шумно переступая под столом ногами.

Александр припомнил из «Юности честного зеркала»,

как отроку надо вести себя за столом, и скороговоркой, боясь, что его одернет мать, выпалил:

– «Будь воздержан и бегай пьянства, пей и яждь, сколько тебе потребно... Ногами везде не мотай, не утирай губ рукою, но полотенцем и не пей, пока еще пищи не проглотил»!

Головин застыл с костью, поднесенной ко рту. Остолбенели лакеи.

– Ну, еще что? – поощрил Александра хозяин.

– «Не облизывай перстов и не грызи костей. Над яствой не чавкай, как свинья, и головы не чеши. Около своей тарелки не делай забора из костей, корок хлеба и прочего. Когда перестанешь ясти, возблагодари Бога, умой руки и лицо и выполоскай рот».

– Всё? Четвертая вина! «Чти и не осуждай старших». Четвертая вина прощается.

Авдотья Федосеевна уже давно не рада была своей затее и поездке к Головину, но не смела прикрикнуть на сына, чтобы не нарушить церемониала и не навлечь на себя гнева, – вдруг хозяин и за ней начнет вины считать!

Из Васиных глаз на щеки скатывались слеза за слезой: он боялся за своего нового друга. Только одна хозяйка была весела. Она едва сдерживалась от смеха, и все ярче разгорались в ее глазах веселые синие огни.

Между тем обед продолжался. Повара вносили по очереди третью, четвертую, пятую перемену, и в каждой перемене было семь блюд. Официанты убирали всё нетронутым. Из

всех сидящих за столом один хозяин ковырялся вилкой или пальцами в каждом блюде. Никто не хотел есть, никто не дивился искусству поваров, которые успели наготовить такое множество разных кушаний.

Раньше всех надоело кошкам: сначала одна, а затем и другая жалобно замыкали, и лакеи их вынесли по знаку хозяина. Когда внесли и унесли нетронутой седьмую перемену, Александр спросил хозяина:

– А кто же все это съест?

– Ага! – вскричал хозяин, стукнув о стол кулаком. – Пятая вина! – И, чтобы показать, что и он в свое время заучивал «Честное зеркало», прибавил: – «Молодые отроки не имеют быть насмешливы и других людей речи не превращать и ниже других людей пороки и похулки...» Ик!..

Отрыжка мучила Василия Васильевича. Он громко икнул, отрыгнул, не кончив поучения, в смущении достал платок и громко высморкался.

– «Рыгать, кашлять и подобные такие грубые действия в лице другого не чини», – процитировал еще раз Александр правила приличия. И сам прибавил: – И шестая вина прощается.

Головин посмотрел на дерзкого гостя очень внимательно и промолчал. Лакеи убрали со стола, и вслед за тем семь уродливых карлов внесли на головах блюда с яблоками, грушами и виноградом и поставили их перед каждым пирующим. Самому хозяину подали кофе в высоком фарфоровом

кофейнике. Дворецкий налил кофе в чашку. Головин не торопясь отхлебывал напиток маленькими глотками. Все сидели за столом как куклы. Никто не притронулся к фруктам, ожидая приказания. Александр выбрал с блюда большое красное яблоко и покатил его по столу к Васе. Тот не осмелился подхватить. Яблоко упало на пол.

Головин грозно нахмурился, встал из-за стола и вышел из столовой. Прасковья Тимофеевна хлопнула в ладоши, кинулась со смехом к Александру, обняла его и принялась целовать в глаза, щеки.

– Пойдемте все ко мне, – сказала она, смеясь. – Вася, где ты?

Вася лазил под столом, разыскивая красное яблоко, кинутое ему Александром.

– Вот оно!

Прасковья Тимофеевна выбежала из столовой, за ней побежали мальчишки и поспешила Авдотья Федосеевна.

За темным переходом распахнулась дверь в большой покой со сводами. Здесь было жарко, шумно, суетливо. У Александра зарябило в глазах. Суетились карлики, пододвигая гостям стулья. Вез лентами венков, перебегали с места на место девушки в пестрых сарафанах. Качаясь в кольце, сердито кричал, раздувая розовый хохол, большой белый попугай. По покою расхаживал, распустив долгий цветной хвост, павлин. Около него кружился, шелкая клювом, тонконогий журавль. Из угла слышался звон струн. На коленях у молодого

статного парня лежали гусли.

– Девушки! – крикнула хозяйка, хлопнув в ладоши. – Гостей величать!

Глава третья

Колотушка

Девушки стали полукругом. Все стихло. Гусяр ударил по струнам, задавая тон. Но не успели певицы выдохнуть первое величальное слово, как в дверях показался дворецкий с зажженным канделябром в руке и громко сказал:

– Василий Васильевич просят Александра Васильевича Суворова-сына к себе.

Все замерли.

– Не бойся! Не бойся! Иди! – шепнула Прасковья Тимофеевна Александру.

– А я вовсе и не боюсь! – ответил Александр и смело пошел за дворецким.

– Растревожил ты барина! Всю ночь спать не будет, – сказал Потапыч, ласково погладив мальчика по голове.

Дворецкий провел Александра через темный холодный зал, где гулко отдавались шаги, к знакомой уже ему рогожной двери и пропустил Александра вперед, плотно затворив за ним дверь.

Василий Васильевич сидел на прежнем месте, в своей качалке. Пелагея Петровна возилась около вороха сена, накры-

того ковром, в углу покоя – она готовила хозяину постель. Перед Головиным на раздвижном пюпитре с горящей свечкой лежала большая книга. Он молча указал Александру на низенькую скамейку у своих ног. Суворов сел. Сердце его стучало.

– Пелагея, ставни закрывать! – строго приказал барин.

– Слушаю, государь!

И, подойдя к окну, домоправительница громко прокричала молитву.

– Аминь! – хором ответило со двора несколько голосов.

Со страшным шумом и визгом в петлях захлопали железные ставни, загремели болты. Видно было, что люди старались нарочно делать как можно больше стука и грома. То же делалось во всем доме: грохот доносился со всех сторон.

Наконец стало тихо. Вошел дворецкий и ввел старосту с бирками⁴⁵ в руке; с ним вместе вошли выборный караульщик с кленовой колотушкой и ключник со множеством ключей на большом кольце.

Дворецкий поклонился барину и, обратясь к выборному, начал говорить:

– Слушайте приказ барский: смотрите всю ночь не спите, кругом барского дома ходите, колотушками громко стучите, в рожок трубите, в доску звоните, в трещотку трещите, по сторонам не зевайте и помните накрепко: чтобы птицы не летали, странным голосом не кричали, малых детей не пу-

⁴⁵ Бирки – счетные палочки, на которых нарезками обозначался счет.

гали, на крыши бы не садились и по чердакам не возились. Слушайте же, помните накрепко!

– Слышим! – во всю глотку гаркнул выборный.

– Слышим! – глухо отозвались со двора.

Выборный с низким поклоном подал барину колотушку и поцеловал ему руку. Староста отдал бирки Пелагее Петровне. Дворецкий повернулся к старосте и прочитал ему наставление:

– Скажи сотским и десятским, чтобы все они, от мала до велика, жителей хранили и строго соблюдали, обывателей от огня неусыпно сберегали, глядели и смотрели: нет ли где в деревнях Целееве, Медведках и Голявине смятения, не увидят ли на небесах какого страшного явления, не услышат ли под собой ужасного землетрясения. Коли что случится или диво какое приключится, о том бы сами не судили и ничего такого бы не говорили, а в ту пору к господину приходили и все бы его барской милости доносили и помнили бы накрепко!

Ключнику столь же складный и подробный приказ отдала, приняв от него кольцо с ключами, Пелагея Петровна.

Дворецкий махнул рукой. Выборный, староста и ключник вышли, за ними и дворецкий. Пелагея Петровна спрятала под подушку бирки и ключи, взбила попышней сено постели, потушила все свечи, кроме одной, на пюпитре с книгой, и, пожелав барину сладко почивать, удалилась.

Настала тишина... Александр сидел у ног Головина, пока

длилась странная церемония, и не смел шевельнуться, помня за собой уже шесть преступлений.

Головин положил Александру на голову тяжелую руку и спросил:

– Кота видел или соврал?

– Нет, не видел. Соврал.

– Зачем? Лги только в крайности, ради жизни спасения...

Головин помолчал и еще спросил:

– Что за столом рассмеялся?

– У барыни зайчики в глазах прыгали... Такие веселые!

– Бойся женских глаз, отрок. Почему одной каши спросил?

– А я поросенка не люблю: он на ребенка похож.

– Так. «Будь умерен в пище и питии». Это хорошо. Человек выше сытости...

– Коли нечего есть, так и каши запросишь...

– Ты спросил: «Кто всё это съест?» Они! – Головин повел рукой вокруг. – Нынче ради тебя и твоей матери, почитай, две сотни людей сыты.

Рука Головина все тяжелее давила на голову Александра. Он пытался и не мог выпрямиться. Хозяин придавил голову Суворова почти к коленям:

– А за то, что невежей был, вот тебе!

Александр больно стукнулся носом о свою коленку. Из носа брызнула кровь. Он вырвался из-под руки Головина и закричал.

– Ох, батюшка! – всполошился тот. – Да я тебе, никак, нос разбил? Ай-ай! Враг попутал... Прости ты мне, окаянному!

Головин схватил вдруг колотушку, подбежал к окну и застучал. В то же мгновение на дворе засвистели, закричали дозорные во много голосов, застучали колотушки, затрещали трещотки, затрубили рожки, забунчала чугунная доска.

Головин, повалив пюпитр с книгой, упал в кресло, закатив глаза. Свеча погасла. Светила теперь одна лампада в углу.

Александр испугался, кинулся к одной двери, к другой, но обе они оказались запертыми снаружи. Напрасно мальчик бил в двери ногами и кулаками. Никто не отзывался. Да и нельзя было услышать беспомощный стук среди грохота, гамы и звона со двора.

Мальчик понял, что убежать было невозможно. Он подошел к Головину. Тот лежал в кресле с закрытыми глазами и, казалось, заснул.

Шум на дворе постепенно затихал и наконец прекратился. Александр поставил пюпитр, поднял книгу и положил на место, затеплил от лампы свечу и прикапал ее на место к пюпитру. Он осторожно открыл книгу, стоя рядом с креслом, и радостно вскрикнул: об этой книге он мечтал, ему много рассказывал о ней отец, но нигде не мог достать, хотя и обещал давно. Это была книга Квинта Курция⁴⁶ «О делах, содеянных Александром Великим, царем Македонским. Пере-

⁴⁶ Квинт Курций Руф – древнеримский историк, написал этот труд в 10 книгах (сохранилось 8), вероятно, в середине I века н. э.

ведена повелением Царского Величества с латинского языка на российский лета 1709-го и напечатана в Москве в 1711 году в декабре месяце».

Головин, пробужденный от забытья радостным восклицанием мальчика, ласково положил ему руку на плечо и спросил:

– Здорово я тебе нос разбил?

– Ничего, ничего, сударь!.. Какая у вас книга!

– Сию книгу я читаю, когда мне не спится. Вот погоди... – Дрожащей рукой Головин открыл 21-ю страницу и начал читать вслух: – «Александр мнози философы и риторы встречают, кроме Диогена, который тогда был в Коринфе и, Александра ни во что вменяя, в бочке живяше. Удивлялся же ему Александр, при солнце сидящему, прииде и вопроси, чего требует. Он же рече: „Требую, да того от меня не отымеши, чего мне дать не можете“. Которым ответом Александр весьма утешился и, ко своим обратися, рече: „Хотел бы аз быти Диоген, аще не бы Александр был“. И, паки обратись к Диогену, Александр вопросил: „Неужто не могу ничего тебе дать?“ Диоген ответствовал тако: „Усторонись несколько и не заставляй мне солнце...“»

Положив руку на страницу, Головин спросил:

– А ты кем бы хотел быть: Александром Великим или Диогеном? Что тебе сходнее?

Александр живо ответил:

– Диоген не мог стать Александром, сударь!

– Ну а тот?

– Быв Александром Великим, стать Диогеном – нищим?!

После великих почестей и славы поселиться в собачьей конуре?!

Головин засмеялся:

– Да, милый, такого не бывало!.. Вот слушай еще! – Он перевернул несколько страниц.

– Давайте я буду читать, – сказал Александр, – а вы слушайте.

Головин согласился. Александр начал читать вслух и забыл все, что было кругом. Хозяин иногда забывался и дремал. Тогда Александр повышал голос. Головин испуганно открывал глаза, вскакивал с кресел, хватал колотушку и подбегал с ней к окну, неистово стуча. Со двора сейчас же отзывались свистом. Трещотки, колотушки, рожки, звон колокола, стук в чугунное било не смолкали несколько минут. Затем наступала тишина.

– Читай дальше! – приказывал Головин.

Александр читал все тише и тише. Хозяин наконец захрапел. Свеча догорала, и, хотя на столике лежало несколько запасных свечей, Александр закрыл книгу и улегся на пышной постели из сена, приготовленной для барина. Свеча мигнула и погасла. Громко храпел хозяин. Заснул и Александр.

Село Семеновское

Авдотья Федосеевна возвратилась от Головиных совсем расстроенная: Василий Васильевич совсем из ума выжил, невесть что творит и не только не застрашал Александра тягостями военной службы, а, наоборот, подарил ему любимую свою книгу Квинта Курция. Даря, он сказал:

– Попытай быть и Александром Великим, и мудрым Диогеном. Попытай!

Вася Головин простился с Суворовым в слезах и в минуту расставания все просил отца, чтобы он и его записал в Семеновский полк солдатом.

– Ладно, – утешил тот Васю, – лишь вырастешь до Суворова, запишу. Ну-ка, померяйтесь.

Александр и Вася стали затылками друг к другу. Семилетнему Васе (он, правда, старался вытянуть насколько можно шею) оставалось расти до Александра не более вершка⁴⁷. И опять Авдотья Федосеевна обиделась за своего хилого сына.

– Быть тебе в полку, – сказала она сыну, – в двенадцатой роте, левофланговым.

– Зато у нас в первой роте на правом фланге Прошка Великан, – ответил Александр.

Давно в усадьбе Головиных не видели барина в таком доб-

⁴⁷ Вершок – старинная русская мера длины, равная 4,4 см.

ром духе: он сам вышел провожать гостей до нового парадного подъезда и вел под руку Авдотью Федосеевну. За ними шла хозяйка, ведя за одну руку Васю, а за другую Александра с книгой Курция под мышкой.

Слуги в парадных кафтанах выстроились в два длинных ряда от дверей до суворовского убогого возка с лубяным верхом. Доведя Авдотью Федосеевну до экипажа, Головин сам посадил ее в возок.

Тройка побежала. Двадцать конных егерей в польских красных кунтушах⁴⁸, расшитых шнурами, в синих рейтузах и сапогах с огромными медными шпорами поскакали за тройкой по два в ряд: им было приказано проводить гостей до пограничного столба головинских владений.

Всю дорогу домой Авдотья Федосеевна не сказала сыну ни слова. Александр, раскрыв книгу Квинта Курция, начал читать ее с того места, где остановился ночью, усыпив чтением Головина.

Когда показалась в долине замшелая крыша суворовской усадьбы, Авдотья Федосеевна вздохнула, потянулась к сыну, сжала ладонями его лицо и поцеловала:

– Бедненький мой солдатик!..

Начали собираться на зиму в Москву: учиться Александру «указным наукам» в деревне не у кого, да и книг нужных не достать.

Дядька Александра, Мironыч, – его не брали в Москву, –

⁴⁸ Кунтуш – старинный кафтан с широкими откидными рукавами.

с горя сильно загулял и был наказан на конюшне.

Вперед отправился небольшой обоз с запасами: мукой, крупой, соленьями, медом и яблоками. За последней телегой плясал на привязи любимый конь Александра, Шермак. На дверях амбаров и кладовок повисли большие калачи замков и восковые печати.

День спустя в Москву покатали на двух тройках и Суворовы: отец с сыном – на одной, мать с дочерью – на второй. Книги, увязанные в рогожу, лежали у Александра в ногах.

Морозным ранним утром Суворовы въехали в Москву. Столица встретила их колокольным звоном, криком и мельканием галочьих стай. Близ Никитских ворот, невдалеке от городского дома, Суворовы нагнали свой деревенский обоз.

... Александр первым выскочил из возка. Отец и мать хлопотались с разгрузкой вozов и не скоро хватились сына.

– Где он? – всполошилась мать.

Ей доложили, что Александр отвязал Шермака, вскочил на неоседланного коня и ускакал неведомо куда. Родители, привычные к выходкам своенравного сына, не очень обеспокоились. Мать безнадежно махнула рукой.

Александр, проскакав во весь опор мимо Кремля, оказался в селе Покровском, а за ним открылось Семеновское поле. Эти московские места были до сей поры мало знакомы Александру. Его то и дело обгоняли верхами в сопровождении рейткнхтов⁴⁹ офицеры, а он обгонял военные повозки и ка-

⁴⁹ Рейткнхт – нижний военный чин, обязанность которого состояла в уходе за

раульные команды. Дорогу не приходилось спрашивать: все стремились к одному месту – большому, вытоптанному солдатскими сапогами плацу среди огородов и рощ. Оттуда слышались взвизги флейт, рокот барабанов. На плацу шло учение. Покрикивали командиры. Солдаты маршировали, выкидывали ружьями артикул⁵⁰.

В обстроеном длинными магазинами квадрате полкового двора рядами стояли с поднятыми дышлами полковые ящики: белые – палаточные; голубые – церковные, с крылатыми ангелочками по бокам; желтый – казначейский, на нем изображен рог изобилия, из коего сыплются золотые деньги; красный – патронный, на нем изображена пороховая бочка; синий – аптечный, с нарисованными на нем банками лекарств; огненного цвета – артиллерийский, с пылающими гранатами и громовыми стрелами; белый, с синими полосами – канцелярский, с изображением книги, а на ней чернильницы с воткнутом в нее гусиным пером. Далее виднелись белые с зеленым провиантские фуры, с изображенным на боках золотым рогом изобилия, обвитым пышными колосьями. Извозчики, солдаты нестроевой роты, у длинных коновязей чистили рослых лошадей. У кузницы с пылающим горном ковали в станках коней.

офицерскими лошадьми.

⁵⁰ Артикул– ружейные приемы.

В штабе

Александр налюбовался досыта ящиками, фурами, конями и направил Шермака к двухэтажному дому, угадав в нем полковую съезжую избу.

К этому дому то и дело подъезжали на конях офицеры и, бросив поводья денщикам, вбегали в раскрытую настежь дверь. Александр привязал Шермака к окованному железом (чтобы не грызли кони) бревну и вошел в избу. В сенях двое караульных солдат в полной амуниции сидели верхом на концах скамейки, лицом друг к другу, а середина скамейки была расчерчена как шашечная доска. Караульные играли в шашки.

– Стой, малый! – взглянув на Александра, сказал первый караульный. – Куда лезешь? Зачем? Кто таков?

– Александр Суворов, недоросль, записан в полк солдатом. Явился определиться.

Караульный задумался над ходом. Александр хотел идти наверх по лестнице. Второй караульный, тоже глядя на доску, сказал:

– погоди! Наверх нельзя: там штапы присутствуют.

– Да ведь мне туда и надо!

– погоди, говорю! Сказано, нельзя! – Караульный сделал ход и тут же горестно ахнул: – Ах ты, язви тебя!

– Фукнул, да и в дамки! – воскликнул противник, стукнув

шашкой по доске. — Гони денежку!

Выкинув из кармана медяк, караульный подманил Александра и, взяв его за ухо, сказал:

— Чего ты пристал? Вот я из-за тебя проиграл денежку. Чего тебе надо? Пошел вон! — И, ухватив его за ухо, солдат, поведя рукой, указал Суворову на дверь.

— Пусти ухо! — закричал Суворов. — Я сам солдат!

— Оставь малого! Чего ему ухо крутишь? — ставя шашки, сказал второй караульный. — Тебе ходить.

Караульный выпустил ухо Александра, повернулся к доске и сделал ход.

Александр больше не раздумывал — кинулся вверх по лестнице, перескакивая через три ступеньки.

— Держи его! Держи! — крикнул, стукнув шашкой по доске, первый караульный.

— Держи его, держи! — подхватил второй, не поднимая головы от доски.

Наверху Александр очутился в большой комнате, заставленной канцелярскими столами. Над одним столом сгрудилось несколько писарей, сдвинувшись головами. Так бывает в осенний день, если бросить окуням в пруд корку хлеба. Собравшись стайкой головами к хлебу, окуни до той поры не разойдутся, пока до крошки не уничтожат хлеб. У каждого писаря за ухом торчало гусиное перо, свежечиненное, еще не замаранное чернилами. Писаря навалились на стол, о чем-то шептались, порой давясь смехом.

Из соседней комнаты, куда вела плотно затворенная дверь, слышались громкие голоса, прерываемые взрывами хохота.

За столом у окна сидел старый писарь. Его голова была покрыта густой седой щеткой подстриженных бобриком волос. В зубах он держал гусиное перо и, одним пальцем осторожно прикасаясь к костяшкам счетов, словно боясь обжечься, двигал их. Старик взглянул на Александра исподлобья. Суворов, сняв шапку, поклонился учтиво:

– Здравствуйте, сударь!

Писарь кивнул. Вынув изо рта перо, обмакнул его в чернила, написал что-то в тетради и с насмешливостью, непонятной Александру, сказал:

– Здравствуйте, здравствуйте, сударь!

Затем писарь, воткнув перо в стакан с дробью, достал из кармана табакерку, задал в обе ноздри порядочную порцию табака и, держа наготове раскрытый платок, блаженно зажмурился.

– Апчхи! – громогласно чихнул писарь в подставленный платок.

– Будьте здоровы, сударь! – сказал Александр, кланяясь.

– Здравия желаем, Акинф Петрович! – хором отозвались все писаря, не поднимая голов.

Старик вытер нос и поманил к себе Александра.

– Что надо? Кто таков?

Александр объяснил, кто он и что ему надо.

– Так ведь ты, милый, записан сверх комплекта, без жалования, и отпущен к родителям для обучения указным наукам на два года...

– Я хочу быть в полку.

– Мало ли чего ты еще захочешь! Ростом не вышел... Иванов! В какую роту зачислен недоросль Александр Суворов?

Один из писарей, чуть подняв голову, через плечо ответил:

– Осьмую...

– Так. Ступай-ка, милый, домой. Где живешь? У Никитских ворот? Эка! Ты через всю Москву драл. На коне? Ну, садись на своего коня и скачи домой. Наверное, мамаша по тебе плачет.

– Я хочу быть при полку.

– Придет пора – и в полк возьмут...

– А где же мне учиться?

– Если учиться, ступай в полковую школу. Как раз она при осьмой роте. Поди спроси съезжую избу осьмой роты. Там тебе все объяснят толком.

Александр хотел идти.

– Постой-ка! – остановил его писарь. – Да у тебя есть в полку рука?

– Есть... Премьер-майор Соковнин Никита, моего батюшки приятель...

– Соковнин? Премьер-майор?! – воскликнул писарь, встав с табурета.

Все писаря вдруг поднялись от стола, вытянулись в струнку и повернулись к Александру.

Акинф Петрович встал из-за стола, заложив за ухо перо, подошел к закрытой двери и стукнул в нее, приклонив голову.

Смех и говор за дверью утихли. Акинф Петрович приоткрыл дверь.

Писаря расселись по табуретам за столами, зашуршали бумагами, закрипели перьями.

Половинка двери распахнулась, Акинф Петрович крикнул торжественно:

– Солдат Суворов к премьер-майору!

Он пропустил Александра, закрыл за ним дверь и погрозил пальцем писарям.

В большой комнате, куда вошел Александр, облаком плавал трубочный дым. В углу, одетые в чехлы, стояли в стойке четыре знамени.

За большим столом, крытым зеленым сукном, сидел прямой и статный офицер, затянутый в мундир. Вокруг стола расположилась в расстегнутых мундирах молодежь и покуривала трубки.

– Здорово, богатырь! – улыбаясь Александру глазами, молвил Соковнин.

– Здравствуйте, сударь! – ответил, кланяясь, Александр.

Все рассмеялись.

– Не так, не так отвечаешь! – поправил Соковнин, разгля-

дывая Александра. – Надо стоять прямо и отвечать: «Здравия желаю, ваше высококородие!» Как здоровье батюшки?

– Очень хорошо. И вам того же желаем, ваше высококородие! – вытягиваясь, ответил Александр.

Соковнин улыбнулся:

– Вижу, из тебя выйдет бравый солдат. Поди ко мне ближе. Это Василий Иванович тебя в полк послал?

– Нет, я сам, ваше высококородие.

– Давно ли в Москву возвратились?

– Сегодня утром.

– Вот как! И ты прямо в полк явился? Достойно похвалы. Чего ж ты хочешь?

– Нести службу ее величества, ваше высококородие.

– Так тебе ж, красавец, надо сначала учиться. Если хочешь, я велю записать тебя в полковую школу... Акинф Петрович! – крикнул Соковнин.

На зов вошел старый писарь. Он стоял у двери навтыжку.

– Вели записать солдата Суворова в полковую школу, в солдатский класс. Да погоди-ка... Ганнибал Абрам Петрович сказывал мне, что ты, Суворов, горазд в науках. Уж не записать ли тебя прямо в инженерный класс?

– Нет, сударь, сначала в солдатский класс.

– Быть по-твоему. Там и сверстники твои сидят. А теперь ступай домой.

– А сейчас в школу нельзя?

– Сейчас? Ну что ж, охота пуще неволи. Акинф Петрович,

вели проводить его в школу...

– Конь у меня, – вспомнил Александр.

– Ты на коне? Коня поставь в денник⁵¹. Акинф Петрович, распорядись. Прощай, солдат! Служи, учись!

Александр поклонился.

– Говори: «Счастливо оставаться», – шепнул Александру Акинф Петрович.

– Счастливо оставаться, ваше высокородие!

Соковнин кивком отпустил Александра. После его выхода из присутствия там снова поднялись смех и говор.

В канцелярии Акинф Петрович приказал:

– Иванов!

– Есть!

– Отведи солдата Суворова в полковую школу, в солдатский класс. Скажи Бухгольцу – Соковнин приказал. Коня Суворова поставить в денник гренадерской роты. Дать овса. Вычистить. Осмотреть подковы.

– Он у меня не кован, – сказал Александр. – Из деревни...

– Не кован – подковать.

Писарь повел Александра из канцелярии вниз.

Караульные в сенях по-прежнему играли в шашки.

Увидев Александра, первый караульный сказал:

– Ага! Что я тебе говорил: наверх не ходить! Вот тебя сейчас и взгреют.

Писарь на ходу сказал:

⁵¹ Денник – просторное стойло в конюшне, где лошадь стоит без привязи.

– Евонный родитель премьер-майору друг и приятель...

– Вот те на! – воскликнул второй караульный. – Так ты ему, милый, не сказал, чаю, что я тебя за ухо драл?

– Сказал, – не останавливаясь, ответил Александр.

– Так! Стало быть, не тебя, а меня взгреют! – И, оборотясь к доске, караульный прибавил: – Тебе ходить.

На дворе Александр показал писарю Шермака. Некормленный конь грыз железную обивку коновязи, рыхля землю копытом.

– Велите, сударь, напоить коня. Я его прямо с ходу взял...

– Ладно. Что ты едешь на неоседланном коне? Без седла и коню и всаднику тяжелей. Идем!

Глава четвертая

Полковая школа

Полковая школа, куда писарь привел Суворова, помещалась в новой просторной двухэтажной избе.

Писарь ввел Александра прямо в солдатский класс, где шел урок арифметики. Он увидел перед собой несколько некрашенных длинных столов; за столами на скамьях сидели ученики.

Тут были и мальчики, и взрослые солдаты. Ученики скрипели грифелями по аспидным⁵² доскам. Между столами расхаживал учитель в зеленом мундире. Размахивая ферулой⁵³, он диктовал задачу:

– Биль три бочка, полный вина. Один бочка пустой. Два – полный. Один – тридцать ведра. Второй – пятнадцать ведра. Третий – десять ведра. Написаль? Пустой бочка биль тридцать ведра. Так... Ты зашем пришьель? – ткнув писаря в грудь ферулой, спросил учитель.

– По приказанию господина премьер-майора Соковнина пришел определить в школу солдата Суворова, – отрапорто-

⁵² Аспидный – черно-свинцового цвета.

⁵³ Ферула – линейка, которой наказывали нерадивых учеников.

вал писарь.

Учитель легонько ударил Суворова ферулой по темени и воскликнул:

– О дурень! Какой ты есть зольдат?

– Конечно, я солдат.

– Боже спаси! Ты говорить немецки?

– Немного, уважаемый господин!

– О, карош малшишка! Где тебе садить? Ты такой малый. Сдесь!

Учитель указал ферулой на одну из скамей. Взглянув туда, Александр радостно воскликнул:

– Прощка! Дубасов!

– Кому Прощка, а тебе еще Прохор Иванович, – буркнул густым басом огромный солдат.

Он подвинулся на скамье, чтобы дать мальчику место. Суворов сел между ним и его розовощеким, упитанным соседом.

Схватив Прохора за руку, Суворов попытался ее пожать.

– Смотри не раздави! – усмехнулся Прохор, не отнимая железной руки.

– Так вы суть камраден?! – воскликнул учитель.

– Верно! – ответил Прохор.

– Марш! – махнул учитель в сторону писаря ферулой. – Дубас!

Дубасов встал.

– И ты, Сувор! Всталь!

Суворов молча встал вместе с Прохором. Он был ему едва по пояс. Все ученики оборотились в сторону Суворова и Дубасова.

– Сувор! Всталь на скамья!

Александр вскочил на скамью.

В классе раздались смешки: теперь голова Александра оказалась чуть выше плеча Прохора Дубасова.

– Все еще не хваталь! – причмокнул, пожалев, учитель, становясь перед Дубасовым. – Смотрель! Этот – высокий, и этот – низкий. Этот чердак очень высоко. Чердак хозяин никогда не ставиль хороший мебель. Разный хлам. Пустой...

Учитель потянулся и постучал ферулой по лбу Прохора, приговаривая:

– Бум! Бум! Бум! Пустой, как винный бочка. Некарошо иметь такой калова!

Среди учеников несколько человек угодливо засмеялись. Особенно старательно смеялся визгливым голосом розовощекий сосед Суворова справа, парень лет пятнадцати, одетый богато, с кисейными брыжами⁵⁴ на рукавах кафтана. Дубасов молча исподлобья смотрел на учителя.

Бухголец продолжал, издеваясь:

– Он был Берлин, был Потсдам. Он видел кайзер Фридрих Вильгельм. Теперь кайзер там, – учитель показал линейкой вниз, – темный, сырой могил...

– А как же арифметика? – спросил Александр.

⁵⁴ Брыжа – оборка в складках.

– Ага! Хорошо! Я буду повторять задач... Один хозяин имел три бочка, полный вина, один бочка пустой. Он не имел мерка и захотел выпить пять ведер вина.

– Одному не выпить! – вставил Александр.

– Закрыль свой рот! – Бухголец подумал и прибавил: – Он будет приглашал друзей и с ними выпиваль.

– Они перепьются, – возразил Александр.

– Закрыль свой пасть! – рывкнул Бухголец, хлопнув по столу ферулой.

Он повторил условие задачи и прибавил:

– Очень простой задач. Если первый будет решить Дубас, Сувор получил удар. Если Сувор решил первый, получил удар – о, не первый и не последний удар! – получил Дубас. Все поняль?

– Поняли! Поняли! – хором закричали все ученики, поняв главное: что задачу никому, кроме Дубасова и Суворова, не придется решать.

Розовощекий сосед Суворова плюнул на свою доску, стер с нее кисейной брыжей рукава ранее написанное и подsunул доску и грифель Александру.

– Скоро кончал урок. Решать шустро, быстро! – приказал Бухголец.

Дубасов заслонил громадной рукой свою доску от Александра и, наморщив лоб, приставил грифель к кончику носа. Александр на одолженной ему товарищем доске что-то на чертил и подвинул доску соседу. Тот увидел нарисованного

на доске поросенка с хвостиком, закрученным винтом. Внизу было подписано: «Это ты».

Бухгольц, не обращая внимания на учеников, ходил перед столами по классу, размахивая ферулой и напевая себе под нос марш.

Стерев поросенка, сосед прошептал Александру:

– Рачьи буркалы⁵⁵! – и написал: «А ты рак».

Александр приписал две буквы спереди к слову «рак» и придвинул доску обратно.

Заметив эти проделки, Бухгольц крикнул:

– Юсуп Сергиус, не смей помогать Сувор!

Подобными развлечениями коротали конец урока и прочие ученики: кто играл в «крестики», кто в «заводиловку». Один Прохор Дубасов страдал над задачей и, вздыхая, ворочаясь на скамье, то улыбался, то мрачнел. Вся доска была у него исписана сложением и вычитанием одних и тех же цифр.

На дворе проиграл рожок, что обозначало конец урока.

Бухгольц сначала спросил Дубасова:

– Что будем услышать от вас, большой Дубас?

– Чуть-чуть не решил, да тут горнист заиграл.

– О! Я говорил: высокий чердак плохо меблирт⁵⁶. Ну, что ты скажешь, умный малютка? Я вижу: немного минут – и ты уже сделать результат.

⁵⁵ Буркалы – глаза.

⁵⁶ Обставлен мебелью.

– Нет, я не решил. И не думал решать... – ответил Александр.

– Что? Как ты смель?

– Невыгодно, сударь. Вы сказали: если я решу – быть биту Дубасову?

– Сказаль.

– А если он решит, быть биту мне?

– Сказаль.

– Так нам лучше обоим не решать: и бить некого...

Бухголец в изумлении открыл рот, лицо его побагровело. Все ученики притаились и ждали, что учитель обрушится на новичка и примется колотить его по чему попало ферулой.

Вместо того Бухголец вдруг расхохотался, хлопнув себя по лбу:

– О! Какой ты есть глупец, Иоганн!

Он легонько ударил Суворова по темени и ушел из класса сконфуженный.

Ученики окружили Дубасова и Суворова. Одни смеялись над Дубасовым, другие говорили, что новичок и сам ни за что бы не решил задачку. Особенно наскакивал сосед Суворова, Сергей Юсупов.

– Вперил рачы буркалы! – кричал Юсупов. – Явно врешь – где тебе решить?

– Решу!

– Давай на спор?

– Кто спорит, тот гроша не стоит!

– Хвачу тебя раз – из тебя дух вон!

– А я об тебя и рук марать не стану!

– Ребята, расступись! – раздвигая учеников руками, сказал Дубасов. – Дай простор! Ну-ка, Саша, умой его.

Александр нагнулся быком, с силой ударил Юсупова в грудь головой и «смазал» по скулам справа и слева.

Юсупов повалился на пол.

– Вставай, князьенька-красавец, – сказал Дубасов. – Ну-ка, еще разок!

Юсупов едва вскочил на ноги, как Суворов на него снова налетел, на этот раз неудачно: Юсупов прикрыл грудь левым кулаком, а правым ударил Суворова в зубы. Александр устоял на ногах и тычком расквасил Сергею нос. Они схватились снова и, ничего уже не видя, тузили друг друга. Товарищи поощряли их криками и свистом. Юсупов, отступая от наскоков Александра, изловчился и ударил его по виску. Из глаз Суворова посыпались искры. Он упал.

Внезапно настала тишина. Чья-то сильная рука подняла Суворова с пола и поставила на ноги. Он открыл глаза. Ученики разбежались по углам, а перед собой Александр увидел отца, одетого в преображенский мундир, и рядом с ним – премьер-майора Соковнина. Из-за их спин выглядывал Бухгольц.

– Что вы тут творите?! – грозно крикнул Соковнин.

– Задачку решаем, ваше высочорodie! – ответил Дубасов, поддерживая Александра.

Тот едва стоял на ногах.

– Кто с ним дрался?

– Красавец, выходи! – крикнул Дубасов. – Нечего за чужой спиной прятаться...

Сергей Юсупов вышел вперед.

– Хороши!

У Суворова под распухшим глазом светился огромный фонарь. У Юсупова был расквашен нос.

– Юсупов! В холодную. На трое суток. На хлеб-воду. Ступай!

Юсупов твердо ответил:

– Слушаю, ваше высокородие!

– Суворов, ступай с отцом! Он с тобой сам сделает что надо...

Соковнин вышел. Отец схватил Александра за руку и подзатыльником указал ему дорогу к двери.

– И ты, Прохор, хорош – не мог сдержать мальцов! – прекнул Дубасова Василий Иванович.

– Никак нельзя, ваше благородие, задачку надо было решать.

За дверями школы Александр увидел двух коней: своего Шермака и отцовского гнедого. Их держал на поводу семеновский гренадер. До блеска вычищенный Шермак, под новым гренадерским седлом, с чепраком⁵⁷, нетерпеливо переступал ногами, недовольный тем, что копыта отяжелели – его

⁵⁷ Чепрак – суконная, ковровая или меховая подстилка под конское седло.

успели подковать полковые кузнецы.

В молчании Суворовы возвращались домой верхами. Только у Никитских ворот отец оглянулся на Александра и с усмешкой спросил:

– Трудна была задача?

– Нет, батюшка, легка.

– Решил?

– Решил.

– А первое сражение выиграл или проиграл?

– Выиграл, батюшка, хотя с уроном, – ответил Александр, щупая опухший глаз.

– Что же мне теперь сделать с тобой?

– Равна вина, равно и наказание, батюшка.

– В холодную на хлеб, на воду на три дня?

– Да, батюшка.

– Что-то мать скажет! Ведь это она меня заставила тебя искать. Часу не хотела вытерпеть... Угадала, что ты в полк поскакал...

Не входя в дом, Василий Иванович отомкнул холодный чулан, запер там Александра и отправился к Авдотье Федосеевне с докладом.

Жена возмутилась, вырвала ключ от чулана из рук Василия Ивановича и кинулась освобождать сына.

Василий Иванович велел ей захватить для Александра «Римскую историю».

Александр наотрез отказался выйти из чулана. Мать по-

пробовала вывести его силой. Сын упирался. Она его сгребла и хотела вынести на руках. Александр так яростно отбивался, что мать отступилась, захлопнула чулан, закрыла и ушла, крикнув:

– Замерзнешь – сам проситься станешь! Тогда не выпущу, проси не проси!

– Матушка! Как же я могу выйти? Сергей-то Юсупов в полку на съезжей в холодной сидит.

– Да что тебе Юсупов – брат? Он тебе глаз разбил.

– Брат! Я ему нос расквасил!

– Ну, коли так, сиди же! Ноги-то, поди, застыли. Погоди-ка!

Мать ушла и возвратилась с валенками:

– Сейчас же переобуйся!

Александр покосился на валенки и не шевельнулся. Мать обняла Александра и, тормоша его, спрашивала:

– Да в кого же ты у меня такой настойчивый вырос?

– В тебя, матушка! – ответил сын.

Мать задвинула засов и нарочно гремела замком, запирая чулан.

При скудном свете осеннего дня Александр читал:

«Юношество римское, как скоро оно будет в способности к военной службе, научилось воинскому искусству, привыкая в стане своем к трудам самым жестоким. Прилежало оно не к пиров учреждению, но к имению хорошего оружия и добрых коней. Чего ради

никакие трудности не устрашали сих людей, никакой неприятель не приводил их в робость, – бодрость и храбрость их всё преодолевали...»

Уже кончался краткий день, настали сумерки, и в чулане стало темно. Ноги и руки Александра коченели. В сенях слышались голоса. Засов загремел. Дверь распахнулась. Перед Александром стояла мать с горящей свечой в руке, а рядом с ней Прохор Великан.

– Ну-ка, вылезай! – приказал Прохор. – Полно баловаться! Соковнин велел сержанта Юсупова из холодной выпустить...

Александр, обрадованный, закричал петухом, обнял мать и потащил ее за руку в комнаты.

– И книгу забыл! То-то! – попрекнула Авдотья Федосеевна.

Прохор захватил книгу, взвесил ее на руке и сказал:

– Поп читает, кузнец кует, а солдат службу правит...

В задней каморке, у кухни, Александр прижался к печке, согреваясь. На столе было приготовлено угощение. Авдотья Федосеевна усадила Прохора за стол и начала потчевать.

– Садись и ты! – пригласил Александра Дубасов. – Глотни винца – скорее согреешься.

– Неужто Юсупов – сержант? – спросил Александр.

– Сержант в брыжах. Да ты не завидуй! Кто в чин вошел лисой, тот в чине будет волком... За ваше здоровье, сударыня Авдотья Федосеевна!

– Кушай, Прохор, на доброе здоровье. Уж как ты меня обрадовал, что Сашеньку вызволил!

– А как же? Служить – так не картавить, а картавить – так не служить. Я думаю: как же это так? Соковнин сержанта выпустил, а мой товарищ в холодной сидит?!

– Да как же ты догадался?

– Птице – крылья, человеку – разум. Барин – человек справедливый. Думаю, что он сынка не помилует, и верно: равен грех, равна и кара. Отпросился: пойду-ка обрадую Авдотью Федосеевну.

– Спасибо, Прохор. Кушай!

– Ох, крепко вино!

– А ты его рыжичком, груздочком... Трудно будет Сашеньке в солдатах...

– Что делать, матушка! Солдат – казенный человек: где прыжком, где бочком, где ползком, а где и на карачках.

Александр слушал захмелевшего Дубасова впросонках. Голова его клонилась к столу: одолевала дрема. Прохор встал, поднял его на руки и понес в постель.

На действительной службе

1 января⁵⁸ 1748 года явился в Санкт-Петербург из шестилетнего отпуска капрал восьмой роты лейб-гвардии Семе-

⁵⁸ Все даты в книге даны по старому стилю.

новского полка Александр Суворов. В Петербург полк перешел из Москвы в 1744 году. Суворов ехал в столицу на почтовых, а вперед был послан отцом Александра небольшой обоз с запасами и конь Шермак под присмотром двух парней из крепостных крестьян.

В это время командир полка, Степан Федорович Апраксин, целиком переложил бремя полкового хозяйства на премьер-майора Соковнина, которому и раньше очень доверял, проча его себе в преемники. Сам Апраксин, ведя широкое знакомство при Дворе, метил выше.

Соковнину подали для подписи приказ о зачислении явившегося из отпуска Александра Суворова в третью роту. Премьер-майор пожелал его видеть.

Суворов вошел в кабинет премьер-майора и стрелкой стал у двери. Соковнин оглядел его и усмехнулся:

– Здравствуй, Суворов! А ты почти не вырос за четыре года.

– Вырасту в полку сразу, ваше высочорodie.

– Зови меня по имени. Где это тебе мундир пригоняли?

– В солдатской швальне⁵⁹, в Москве, Никита Федорович.

– Неказисто. Что же, батюшка твой не пожелал заказать сыну первый мундир приватно?

– Одет, как все, лучше не надо.

– Скупенек Василий Иванович, скупенек! Как же он здоровствует?

⁵⁹ Швальня – портняжная.

– Благодарствуйте. Батюшка в хорошем здоровье, приказали низко кланяться и вам желают доброго здоровья.

– Он в той же все службе? Прокурором?

– Так точно! Надзорным прокурором.

– В строй не собирается вернуться?

– Службой доволен.

– И им довольны, хотя и не все. Казну бережет. Даже Сенат растревожил своими донесениями. В Петербурге начали говорить: Суворова-де надо поднять выше, чтобы меньше видел. Отпиши батюшке, что его ждет повышение. Растревожил он осиное гнездо. Ну а как матушка твоя, Авдотья Федосеевна, здравствует?

– Матушка скончалась... После рождения младшей сестрицы моей, Машеньки.

– Вот горе какое! Не дождалась увидеть тебя в офицерском мундире.

– Ей горе было видеть меня в любой амуниции, Никита Федорович.

– Проходил в отпуске указные науки?

– Так точно! После отбытия школы с полком в Санкт-Петербург занимался дома с родителем геометрией планов, тригонометрией, географией, фортификацией, инженерией.

– А из языков?

– Читаю по-немецки и немного говорю по-французски.

– Где же ты все это успел?

– Два года в школе учился, по-французски – у Лебонне,

по-немецки – у Бухгольца.

– А-а, – вспомнил Соковнин, – Бухголец... Помню, как ты решал с ним задачку. В арифметике-то он был слаб. Ну а языку своему мог научить... конечно... Спился он и умер прошлой осенью... Что же, и здесь будешь ходить в школу?

– Нет, Никита Федорович, мне надлежит пройти строй.

– Правда, школа здесь у нас теперь – это и тебе видно будет – плоха. Я проектирую при полку школу для солдатских детей. Откроется – назначу тебя кондуктором⁶⁰. Пойдешь в учителя?

– Если служба позволит.

– Каждый солдатский сын должен, так я разумею, и сам стать к возрасту солдатом. Нашему Отечеству, России, нужна великая армия.

– Великое число из единиц составляется. Малое число, да из крупных единиц, больше, чем великое из малых.

– Да ты, батюшка, гляжу я, философ! Хлебнул из кладезя премудрости?

– Да, Никита Федорович, несколько читал.

– Много прочитал?

– Читал Вольфа, Лейбница, Руссо, Монтеня, Бейля, Монтескье.

По лицу Соковнина пробежала тень смущения: из перечисленных Суворовым имен философов едва ли не все он слышал в первый раз из уст своего унтер-офицера.

⁶⁰ Кондуктор – здесь: воспитатель.

– Что же говорят эти мудрецы? Чаю, среди них есть и вольнодумцы? – с насмешкой молвил Соковнин.

До сих пор краткий в ответах Суворов заговорил о философии так пылко и обстоятельно, что Соковнин, несколько напуганный, остановил его движением руки:

– Довольно, друг мой, довольно! Поменьше философии, побольше практики... Танцевать умеешь?

– Люблю попрыгать, – ответил Суворов.

– Ну хорошо. Служи. Я буду держать тебя на мушке.

– Благодарю, Никита Федорович.

– Скажи все же: чего ты хочешь для себя?

– Славы воинской и славы Отечества.

– Изрядно! Где ты остановился? Сколько хлопцев отпустил с тобой родитель?

– Остановился я у дяди моего, Суворова, капитана гвардии в Преображенском полку. Двоих хлопцев дал мне отец.

– Где же будешь жить?

– Хотел бы в ротной светлице. А батюшка велел у дяди...

– Живи лучше у дяди. В полку найдешь старых знакомцев: Ергольских, Дурново, Юсупова. С ним, помню, ты знатно дрался в первый раз.

– Потом мы подружались. Только мне с ним не по пути.

– Что так?

– Гусь свинье не товарищ. Он богат – я беден. Он князь – я служивый. Он красавец – я, Никита Федорович, сами видите каков.

– Ничего, служи, – закончил свои наставления премьер-майор. – Пей – не напивайся, ешь – не наедайся, вперед не вырывайся, в середину не мешайся, в хвосте не оставайся. Ты у меня на мушке. Ступай!

В смутном волнении Александр вышел из полковой избы. Шермак, стоявший у коновязи, увидев хозяина, поднял голову от кормушки и радостным ржанием приветствовал Александра.

Похлопав Шермака по шее, Суворов повторил только что полученное наставление:

– «Ешь – не наедайся, пей – не напивайся...»

Приехав в Петербург ночью, Александр еще не отдохнул от качки и тряски зимней ухабистой дороги на почтовой тройке. Все плыло перед его глазами, и земля качалась под ногами, словно он вернулся из долгого морского путешествия.

«Вот куда я попал! Вот куда я стремился!» – говорил себе Александр, осматриваясь кругом.

День стоял безветренный, морозный. Казалось, что вершины елей достигают облаков. Вправо, на север, уходила только что начатая просека Загородной перспективы⁶¹. Извозчики-солдаты тянулись вереницей, вывозя на санях бревна с нового проспекта. Из леса с разных сторон слышался стук плотничьих топоров – рубили деревья для строитель-

⁶¹ Перспектива – проспект (устар.).

ства солдатского жилья: полк только еще обустраивался в новой столице.

Из леса выходили солдаты с мушкетами на плече, в плащах с подобранными полами. Накануне выпал глубокий снег. Солдаты шли вразброд, утопая в сугробах. Не слышно было привычного в московской Семеновской слободе роко-та барабанов с подвизгиванием флейт.

Стойкий часовой

Дядя, капитан Александр Иванович Суворов, был холост и жил в офицерском доме – простой избе, хотя и очень обширной. Преображенский полк обосновался в Петербурге давно. Срубы домов были поставлены на московский манер: без подклетей, с шатровыми крышами – и приобрели уже от непогоды благородный серый цвет старого дерева. Сосны кое-где еще уцелели вокруг, но рощи поредели, уступив место огородам и молодым садам. Прямые улицы, пробитые в направлении к Фонтанке, были застроены почти сплошь домами с флигелями и надворными постройками и длинными приземистыми «магазейнами». Дальше, к северо-западу, поднимались шпили церквей, и выше всех, подобно голой мачте яхты, с черным вымпелом наверху, – шпиль Петропавловской крепости. Облако-черного дыма на закате указывало место Литейного двора.

Квартира дяди очень напоминала и размерами, и распо-

ложением комнат, и всем устройством помещичий дом Суворовых в подмосковном имении Рождествено. О чем только пожалел Александр – в офицерском доме не нашлось каморки под крышей. Дядя отвел ему маленькую комнату внизу, в одно окошко, с отдельным входом из сеней. Рядом, за стеной, находилась приспешная, где помещалась вся прислуга дяди; туда же вселились и двое хлопцев Александра.

Дядя, поговорив утром с племянником за чаем едва четверть часа, простился с ним, отправляясь в какую-то срочную поездку, и все еще не вернулся. Племянник даже не успел разглядеть дядю. Порядков дома Александр еще не знал: готовили ли обед и будут ли без дяди обедать. Привычное для Александра время раннего обеда давно прошло. От нечего делать, в надежде, что дядя возвратится, Александр расшил рогожный тюк с книгами и принялся их расставлять. Все на полке они не уместились и заняли еще ломберный стол⁶² и стулья.

Уже начало смеркаться – раньше, чем в Москве. Александр пожевал дорожные коржики, запивая водой; не зажигая свечи, разделся, лег, накрывшись простыней, и уснул до утра.

Рано утром, задолго до света, его разбудили двое хлопцев. Громко топая, они внесли в комнату, по старому обычаю, заведенному еще в Москве, большую дубовую лохань и два ведра с ледяной водой. Печь уже затопили, и она весело пы-

⁶² Ломберный стол – прямоугольный, обтянутый сукном стол для игры в карты.

лала, стрекая угольками.

Суворов снял рубашку и нагнулся над лоханью. Хлопцы сразу с двух сторон начали лить ему на спину воду. Александр, поеживаясь и кряхтя, подставлял под ледяные струи то голову, то спину, то правый бок, то левый, фыркая, мыл лицо...

– Дядюшка вернулся? – спросил он, кончив умываться.

– Еще ввечеру. Спрашивал про вас и не велел будить до утреннего чаю, – доложил один из парней.

Александр взял со стола самоучитель французского разговорного языка «Parlé Francê» и, бегая по комнате, чтобы согреться, принялся твердить французские слова и фразы при танцующем свете из устья печи:

– Il faut se lever, il est bien temps. Tout à coup je serai prêt à l'instant.⁶³

Так продолжалось до тех пор, пока дрова в печи не превратились в груды пурпурно-золотых углей и при их свете нельзя было уже разобрать слов. Хлопец внес свечу:

– Дядюшка встать изволили и просят кушать чай...

Александр проворно оделся, вышел в просторную залу, а вместе с тем и столовую. Дядя сидел при свечах за столом уже в мундире и ботфортах. И сегодня он встретил своего племянника так просто, как будто они всегда жили вместе, хотя вчера встретились впервые.

Дядя был младшим братом отца, но он показался племян-

⁶³ Надо встать, уже пора. Тотчас я буду готов, в одно мгновение (*фр.*).

нику старше его: в поредевших волосах, гладко зачесанных назад и заплетенных в косичку, блестела седина. Взор был усталый и сумрачный. Говорил он отрывисто и глухо:

– В какую роту зачислен? Видел Соковнина? В роте был? Капитану Челищеву явился?

Александр отвечал так же отрывисто и просто. Они напились чая почти в молчании, оделись, вместе вышли. Им подали коней. Вскочив в седло, дядя и племянник, приложив руку к шляпе, поскакали в разные стороны.

С первого же дня, проведенного в роте, Александр понял, почему премьер-майор Соковнин даже в праздники с расвета в штабе. Приходилось спешить, чтобы подтянуть Семеновский полк до уровня других гвардейских полков. Надо было налаживать полковое хозяйство и осваивать огромное лесное болото, отведенное полку для поселения за рекой Фонтанкой. Оно простиралось, гранича восточной стороной с Песками и Невской перспективой, а с запада – с большой Московской дорогой, за которой начинались уже владения Измайловского полка.

В ротах, раскинутых по светлицам⁶⁴ и избам на большом пространстве, только еще складывался новый порядок. Солдаты ютились в плохо сколоченных из сырого леса помещениях, жили скученно и, терпя нужду в овощах, хворали цин-

⁶⁴ Светлицы – комнаты для неженатых солдат в казармах. Женатые солдаты жили в избах. По нормативам того времени на семью полагалась четверть избы.

гой. Полковые дворяне жили на вольных квартирах, ближе к Адмиралтейству и дворцам, а некоторые из них, побогаче, имели там целые усадьбы и жили полным домом; эти отлынивали от строя и других трудов, сказывались, когда надо, больными.

Хлеб пекли даже и зимой в полевых печах под навесом. Ротные котлы топились в кое-как сколоченных сараях. Провиантское ведомство давало овес, сено, муку и соль, но капусты не хватало, и приходилось думать о своих, ротных, огородах, чтобы на следующую осень не остаться совсем без капусты, и о полковых луговых угодьях: сена также не хватало для коней.

Семеновский полк состоял наполовину из дворянских недорослей, наполовину из крестьян. Дворянская часть полка делилась на две партии. Солдаты победнее примыкали к премьер-майору Соковнину. Служба со всеми ее тягостями являлась для них работой, а движение по службе – сообразно заслугам и отличию – единственной жизненной дорогой. Недоросли из богатых и знатных семей – их звали в полку «красавцами» – стояли на иной позиции. Они окружали командира полка Апраксина. Им нужен был внешний блеск. Они делали карьеру не в полку, а при Дворе, ревностно относясь к любимому полку Елизаветы Петровны – Преображенскому. Еще бы: именно преображенские солдаты посадили ее на трон! Им доставался весь блеск почестей, а второй из трех полков петровской потешной гвардии – Семеновский,

равный по старшинству и заслугам, выглядел пасынком.

В дворцовые и знатные караулы, на вахтпарады и разводы семеновцам, однако ж, надлежало являться хорошо одетыми, в отличной амуниции, маршировать и делать построения и выкидывать артикул ружьем не хуже прочих. Поэтому на Семеновский плац далеко за городом, близ Скотопригонного двора, на Московской дороге, по утрам скакали в сопровождении денщиков блестящие кавалеры в касках с бобрами, в богатых плащах. Тянулись возки, запряженные шестерней, с форейторами⁶⁵ впереди, с гайдуками⁶⁶ на запятках. На плацу, меж грязный снег сапогами, солдаты маршировали, строились, выравнивали ряды, выкидывали ружьями артикул...

Здесь, на плацу, под рокот барабанов, с тяжелым мушкетом на плече, Суворов узнал будничную, трудовую изнанку строевой жизни, которая его, мальчика, в Москве пленила своей внешней красотой.

Александра Суворова капитан Челищев сразу отметил как «безответного» солдата. За зиму не случилось, чтобы Суворов отказался от внеочередного наряда на работу или трудного поручения. Его чаще других отправляли принимать сено, муку и крупу на Калашниковскую пристань Александро-Невского монастыря, солонину из складов Петер-

⁶⁵ Фореитор – кучер, сидящий на передней лошади при упряжке в три или две пары гуськом.

⁶⁶ Гайдук – выездной лакей у вельможи.

бургской стороны.

С раннего утра до ночи Александр оставался в ротах – обедал и ужинал у солдатского котла – и возвращался на квартиру к дяде в Преображенском полку в такой усталости, что оставалось только спать. С дядей, тоже очень занятым в своем полку, Александр виделся мельком, они мало говорили между собой, встречаясь только рано утром за чаем и изредка вечером, когда удавалось поужинать вдвоем.

Как-то дядя сказал:

– Брат Василий спрашивает письмом, как ты здоров, как служишь. Жалуется, что ты ему давно не пишешь.

– Я ему все разом отпишу подробно.

– Напиши не отлагая.

Суворов тут же сел к столу, сдвинул в сторону книги, очинил перо и написал отцу:

«Здоров. Служу. Учусь.

Суворов»

Привезенные из Москвы книги ни разу не раскрывались, кроме «*Parlê Francê*». На книге Квинта Курция об Александре Македонском лежал рукописный устав полевой и караульной службы.

В марте полковые штапы баллотировали отличных солдат, и Александр Суворов, прекрасно аттестованный ротным командиром, получил отделение. Это прибавило ему забот. Пришлось следить, чтобы солдаты выходили в караул хорошо одетыми и на постах не засыпали. Надлежало уравнивать

наряды, поручения и работы, разбирать споры молодых солдат, дразги старых солдат с женами и ссоры солдатских жен между собой. Приходилось еще водить караулы, ставить часовых, проверять посты и пикеты в полку и в городе, у домов полкового командира и графа Лестока, лейб-медика Елизаветы, и, наконец, самому стоять часовым у Зимнего дворца на Мойке, при покоях великого князя Петра Федоровича.

Приближалась весна, а Суворову еще не удалось встретиться со своими сверстниками, записанными вместе с ним в полк в 1742 году в Москве. Князя Сергея Юсупова Александр видел только издали, когда он приезжал на плац в карете, поставленной на полозья. В ротах ни Юсупов, ни оба князя Волконских, ни Долгорукий ни разу не попались Суворову на глаза.

Ветры с моря приносили сырое тепло. Начались дожди. Набухали почки. И даже хмурые ели стали зеленее. Под ногами в полку везде хлюпала вода, под снегом побежали ручьи. Неву взломало. Прошел ладожский лед. По обычаю, комендант Санкт-Петербургской крепости под грохот крепостных и корабельных пушек зачерпнул невской воды серебряным ковшом и внес его в Зимний дворец. Открылась навигация. Начался светлый май. Гвардия уходила в лагерь.

Семеновцы тоже рассчитывали отдохнуть на лагерном приволье от тяжелой зимы. Однако объявили, что полк останется на все лето в своем городском расположении достраиваться и будет нести все караулы в городе. Двор Елизаветы

Петровны отбыл в Петергоф.

Однажды семеновцев послали в караул и туда.

У всех гвардейских полков имелись на Неве свои гребные флотилии. Семеновских солдат посадили в лодки на Фонтанке. У Лощманского островка шлюпки вышли из устья Невы.

Ветер дул с моря. В заливе зыбь порядочно качнула лодки, и солдаты вышли на берег мокрые, иззябшие, с зелеными от приступа морской болезни лицами. Прямо с берега солдат развели на посты.

Суворову пришлось стоять на часах в петергофском парке, у Монплезира, любимого павильона Петра. Отсюда открывался широкий вид на море. Финский берег тонкой синей зубчатой чертой показывал, где небо отделяется от моря. Одинокая финская лайба⁶⁷, раскрыв серые паруса, летучей мышью неслась в устье Невы. Рыбачьи лодки пятнали белесое море черными точками.

Ветер прохватывал часового насквозь, высушивая мокрую одежду, и, хотя солнце пригревало, Александра охватил озноб. Руки стыли. Зубы выбивали барабанную дробь. Суворов хотел уже вызвать свистком подчаска и попросить сменить его, как услышал говор и смех. К Монплезиру по дорожке, усыпанной красным скрипучим песком, приближалась Елизавета Петровна, затянутая в рейтузы, в ботфортах со

⁶⁷ Лайба – речное палубное судно.

шпорами, в белом колете⁶⁸ и офицерской шляпе. Она звонко чему-то смеялась. А за ней, поотстав, шли, перебраниваясь, две старухи. Ветер вздувал их широкие платья колоколами.

Суворов вытянулся и сделал мушкетом на караул. Елизавета Петровна взглянула на него, расхохоталась и, остановясь, указала старухам на часового. Старухи, подойдя, продолжали спорить. Они говорили по-французски громко, не стесняясь, полагая, что часовой не может их понять.

Суворов немало удивился, узнав в одной из «старух» лейб-медика Елизаветы, француза Лестока, а в другой – канцлера Бестужева. В этот день при дворе была объявлена любимая игра Елизаветы Петровны – «метаморфоз»⁶⁹, и дамам было приказано быть в мужском, а кавалерам – в женском платье.

– Какая милочка! – сказала Елизавета Петровна по-русски, подойдя к часовому, и потрепала его по щеке. – Обратите внимание на эту девочку в мундире... Как тебя зовут?

– Александр Суворов, ваше императорское величество...

– Да ты уж не дочка ли гвардии полковника Василия Суворова, милашка?

– Сын... Так точно!

Лесток подошел к часовому и, взяв его за перевязь на груди, обратился к Бестужеву, продолжая с ним спорить:

– Вы гневаетесь, господин великий канцлер, ибо знаете,

⁶⁸ Колет – короткая кавалерийская куртка.

⁶⁹ Метаморфоз (метаморфоза) – превращение.

что не правы. В России все можно купить: генерала – за сто тысяч рублей, ну а этого солдата – за рубль. Вот и вся разница.

– Ах так! – воскликнула Елизавета Петровна. – Мы сейчас это испытаем, – продолжала она по-французски. – Алексей Петрович, дай рубль взаймы. У меня только червонцы.

Бестужев поднял юбку, достал из кошелька рубль и, сделав глубокий поклон, подал монету Елизавете.

– Ты мне понравилась, милочка, – сказала Суворову царица, – возьми рубль...

– Нет, ваше величество, устав караульной службы запрещает часовым на посту брать подарки, тем более деньги.

– Но я тебе приказываю!

– Тебе, дурак, царица дарит, бери! – прибавил Лесток, хлопнув Суворова по плечу.

Александр вспыхнул, отступил на шаг и крикнул по-французски:

– Если вы, сударь, еще раз коснетесь меня рукой, я вызову караул. Часовой – лицо неприкосновенное!..

– Ого! – в изумлении воскликнул Лесток, опустив руку. – Каков маленький капрал!

– Молодец! – похвалил Бестужев.

Елизавета Петровна кинула серебряный рубль на песок, к ногам Суворова, и сказала:

– Возьми, когда снимешься с караула... Видишь, граф, и в России есть непокупные.

Глава пятая

Соблазн

Стать литератором – эта мечта многих юных не миновала Суворова. «Разговор Герострата с Александром Великим в царстве теней» – так называлась его первая попытка влиять на людей не прямым примером своей собственной жизни, а рассказом о жизни других.

Александр раскрывал тетрадь и читал написанное им самим, как нечто новое, незнакомое, чужое.

«А в которую ночь Олимпиада родила Александра, и в ту пору сгорело преславное капище Эфесской Артемиды, зажженное от некоего бездельника Герострата⁷⁰, который, будучи пойман, в розыске сказал, что он учинил то не для иного чего, токмо чтоб каким-нибудь делом прославиться. Тогдашние эфесские волхвы столь срамное подеяние вменили в предзнаменование большого разорения и весь город жалостным воплем наполнили: зажглась-де где-нибудь свеча, которая со временем для такой же причины

⁷⁰ Герострат, житель г. Эфеса (Малая Азия), сжег в 356 г. до н. э. в своем городе храм Артемиды Эфесской, который считался одним из семи чудес света, для того чтобы обессмертить свое имя.

(ради славы напрасной) пламенем своим весь Восток выжжет...

Герострата казнили. Умер и Александр Македонский. Встретясь с ним в царстве теней, Герострат так приветствовал героя:

– Здравствуй, подражатель славы моей!

Александр. Какое между нами сравнение? Я – победитель вселенной. А ты человек презренный.

Герострат. Не будь горд, Александр. Царствование твое миновалось, и от всего твоего величества на свете только пустой звук остался, власть твоя прешла. Здесь все в одном положении, и нет никакого разделения между царем и невольником. Там ты страшен был, где тебе множество народа повиновалось и жертвовало страстям твоим, а здесь лишен ты скипетра, лишен окружающих тебя льстецов, лишен боящихся тебя, и больше гнев твой никому не вреден.

Александр. О боги! Герострат унижает Александра!

Герострат. Я не знаю, для чего ты меня унижаешь. Та ж причина понудила меня разорить Эфесский храм, которая понудила тебя опустошить всю вселенную. Оба мы основанием дел наших имели тщеславие, и оба мы живем в истории: ты – разорителем вселенной, а я – разорителем Эфесского храма.

Александр. Я искоренил гордость царей персидских и привел Грецию в безопасность!

Герострат. Ты искоренил гордость царей персидских, а на место оное свою восстановил.

Освободив ее от чаемой напасти, ввел и в действительную напасть, которую она, тобой обманута, своею купила кровью.

Александр. Победители никогда игоносцами не называются.

Герострат. Но часто бывают. А я хотел показать, что великолепие света вдруг в ничто обращается и что все на свете суета.

Александр. Мне свет и поныне удивляется.

Герострат. Но моему великому предприятию еще больше удивляются. Слава моя ненавистью моих неприятелей не остановлена, даром что я не имел Курция.

Александр. Я не Курцием прославлен. Вся вселенная гремит о делах моих.

Герострат. И о сожжении Эфесского храма вся вселенная вспоминает...»

Но однажды Александр сжег написанное на огне свечи.

От бумаги остался лишь пепел. Глядя на него, Суворов в задумчивости сказал:

– Великой славе подобает и цель великая...

Прошло больше десяти дней, проведенных Александром за чтением книг и в размышлениях. Затем к Суворову явился Сергей Юсупов и рассказал, что графа Лесток арестовали и заточили в крепостной каземат. Лесток отказался принимать пищу и ничего не говорил при допросах. Его бывший адъютант – Шапюзо показал, что Лесток получал деньги из

Пруссии и Франции и был близок с прусским и шведским посланниками. Председателем Следственной комиссии был назначен Апраксин. Комиссия решила допросить Лестока с «пристрастием». На первой пытке он ни в чем не признался и под кнутом страшно ругал Бестужева.

Дом Лестока Елизавета подарила Апраксину – со всей утварью, обстановкой и серебром.

Александр решил поселиться в ротной светлице, где ему приходилось иногда ночевать и раньше, будучи дежурным. О своем решении Суворов сказал командиру роты и Соковнину. Ни тот ни другой не удивились, только Соковнин заметил:

– Не было бы это тебе, Суворов, через силу.

Он только подлил масла в огонь, паливший Александра. Поселясь в роте, Суворов отказался от услуг своих хлопцев и оставил Шермака под их присмотром у дяди в Преображенском полку. Он решил твердо стать «на свои ноги». Денег, полученных от отца, у него оставалось немного. Он их послал на сохранение дяде и, получив за четыре месяца солдатское жалованье, увидел, что может расходовать на себя не более трех копеек в день. По табели 1720 года ему выдали медью два рубля восемьдесят пять копеек. Хоть и трудно, но надо было отказаться от чая с рафинадом, к чему он приистрастился с детства в отцовском доме.

Солдатский квас – его давали вволю – заменил Суворову чай. Бессменные кислые щи и каша, черный хлеб не яв-

лялись для Александра чем-то невероятным – он и раньше столовался иногда у ротного котла, – но теперь ничего другого не было. От тяжелой солдатской еды у Суворова начались желудочные боли, против которых ничего нельзя было придумать, кроме добровольного поста.

... Настала зима. Елизавета Петровна недолюбливала невскую столицу и особенно не жаловала хмурую и слякотную петербургскую зиму. Как обычно, она и в эту зиму объявила «шествие» в Москву всем своим Двором. Семеновцев отправили туда же, чтобы нести дворцовые караулы. Видя, что Суворову трудно, Соковнин приказал зачислить его в московскую команду.

– Соскучился, поди? Отдохни в родительском доме... Или ты не рад?

Суворов поблагодарил, но ничем не выразил радости. Он не мог, подобно другим, ехать в Москву на почтовых. Быть может, Василий Иванович и не отказал бы сыну в этом расходе, но Александру не хотелось ни о чем просить отца. Он решил идти в Москву вместе с батальоном походным порядком.

Первый поход

Знатные морозы сковали землю и реки. Вьюги заносили малоезженный тракт. Путь батальона лежал большей частью летником, лесами, а кое-где, для сокращения пути, – зимни-

ком, по ледяной глади озер и рек.

Солдаты шли без выкладки: амуниция и ружья ушли вперед особым обозом. Но все же вначале батальон сохранял вид войска. Через заставу семеновцы шли строем по четыре в ряд, под барабаны и флейты, ротные командиры ехали перед ротами на конях, сержанты, капралы и унтер-офицеры находились на своих местах, фурыеры⁷¹ несли пики с пестрыми флажками.

После первой же дневки батальон преобразился. Батальонный, пропустив солдат, вернулся с адъютантом в карете обратно, ротные командиры, все обер- и унтер-офицеры сели в ямские возки и поскакали вперед на тройках с колокольцами. Вслед за тем солдаты достали из саней извозничьей роты кто валенки, кто душегрейку, кто башлык, кто овчинный полушубок, кто суконные рукавицы, кто варежки. У многих на головах появились вместо треугольных шляп бараньи шапки, у кого не было шапок, те обвязались поверх шляп бабьими платками.

Извозничья рота ушла с дневки вперед, а за ней двинулся кое-как, вразброд, батальон; роты, взводы и отделения скоро перепутались. Суворов, нахлобучив шляпу, засунул руки в узкие рукава плаща, пошел вначале быстро, чтобы согреть ноги, обутые в сапоги, и оказался далеко впереди батальона. Привыкнув с детства ездить на коне, он никогда не ходил много и не знал, что значит сыпучий снег на плохо укатанной

⁷¹ Фурыеры – младшие командиры-квартиреры.

дороге. Ноги согрелись, но в левом сапоге сбилась портянка. Следовало, хоть и в мороз, переобуться. Дорога пошла лесом. Суворов огляделся. Обоз, шедший впереди батальона, скрылся, оставив на снегу глубокие следы и конский помет. И батальона за поворотом дороги не было видно. Суворов сел на пенек, чтобы переобуться. Сапог заскоруз на морозе и не поддавался.

– Что, уж с копыльев сбились? – услышал Суворов над собой насмешливый вопрос.

Подняв голову, он увидел незнакомого семеновского солдата с седыми усами. Глаза его дружелюбно искрились из-под насупленных бровей.

– Помоги, братец! Не могу сапог стянуть.

– Извольте. Держитесь крепче за пенек... Хоп!

Солдат сдернул сапог с ноги Суворова. Пока Александр перекручивал портянки, солдат мял сапог голыми руками и дышал в голенище, приговаривая:

– А я-то гляжу – отважно шагаете: как бы одного в лесу волк не съел. Чего же пошли с нами – и отбились. В народе теплее. Держите-ка сапожок. – Солдат подышал еще в голенище и подал сапог Суворову.

Обувшись, Александр сказал:

– Спасибо! Как тебя звать, какой роты?

– Звать меня, господин капрал, Сидоров, роты тринадцатой. Глядите, ушли мы от товарищей, а они нас настигли. Братцы, давайте нам с господином капралом теплое место!

Солдаты на ходу расступились, и Сидоров с Суворовым очутились в середине. Батальон шел широкой просекой в облаке морозного пара от дыхания и табачного дыма носогреjek⁷². Шли, тесно сплотясь. В тесноте можно идти только в ногу.

Само собой вышло так, что сильные очутились впереди и утаптывали снег следующим за ними. Кто плохо одет да послабее, оказался в середине, охваченный стеной тепло одетых товарищей, а позади батальон прикрывался от ветра самыми богатыми солдатами. Они шли лениво в тяжелых тулупах.

Суворову сразу сделалось теплей. Близился вечер. Мороз креп. Солдаты подогревали себя перебранкой. Слабые бранили сильных за то, что те скоро идут, сильные слабых – за то, что не дают идти быстрее. Солдаты в казенных плащах бранили тех, кто был одет в меха, «господами», а те, в свой черед, обзывали их «пропойцами». Доставалось и унтер-офицерам, ускакавшим вперед на почтовых, и фурьерам (они всегда с извозчиками первые в тепле), и командирам, и Апраксину.

Шаг разладился, дружное шествие распалось, батальон опять начал растягиваться по дороге. Ледяной ветер снова забрался под полы суворовского плаща и выжимал из глаз Александра колючие слезы.

Сидоров молча шел рядом с Суворовым, не выпуская из

⁷² Носогрейка – короткая курительная трубка.

стиснутых зубов давно погасшую трубку.

Тринадцатую по счету роту полка по совести надо бы звать первой. Она состояла из старых солдат, хранивших воинские традиции участников петровских батальей, – они-то и являлись хранителями славных преданий полка. Поглядывая на Сидорова искоса, стремясь с ним равняться шагом, Суворов гадал, сколько же тому лет. Не менее пятидесяти, наверное, а он крепок, статен и вынослив.

**Батальон шел широкой просекой в
облаке морозного пара от дыхания...**

Батальон растянулся. В сумерки откуда-то пахнуло соломенным дымом. Лес оборвался. На холме открылась небольшая деревенька. Около нее в дыму костров с навешенными над огнем котлами копошился народ. Виднелись сани с поднятыми оглоблями, распряженные кони извозчичьей роты.

Солдаты с криком и свистом побежали к деревне. Из волоков изб тянул дым: фурыеры позаботились о тепле для товарищей. У дверей болтались цветные флажки, показывая, кому где отведен ночлег.

Но никто не смотрел на них. Солдаты врывались в распахнутые двери изб и тотчас наполняли их. Деревенька не могла вместить и половину батальона. Когда Суворов с Сидоровым подошли к первой избе, в нее нельзя было уже втиснуться; то же и во второй, и в третьей, и во всех остальных.

Сидоров с суровой усмешкой сказал:

– Попробуйте, господин капрал, распорядитесь. Здесь вы один начальник.

Он отошел к костру, набил трубку и закурил от уголька.

Между тем к избам подтянулся хвост батальона. Среди отставших были обмороженные. Солдаты теснились к ко-

страм. Суворов увидел солдата в форменном плаще, с головой, обмотанной посконной⁷³ тряпкой. Его поддерживали двое товарищей: у него одеревенели ноги. Тусклый взор солдата встретился с глазами Суворова, и на его лице появилась улыбка.

– Да ведь это господин капрал!

Александр узнал солдата своего отделения, Петрова, весельчака и плясуна.

Суворов рассмеялся:

– А ты, Петров, сплясал бы, а то без ног будешь!

– Ох, ноженьки мои резвые пропали! – повисая на руках товарищей, заголосил Петров.

Внезапная мысль блеснула в голове Суворова, и сразу пришло озорное решение:

– Не унывай, Петров! Еще спляшешь, и я с тобой!

Суворов кинулся к саням и выхватил из-под морды коня охапку сена. Приказав двум товарищам стать у стены избы, Суворов взгромоздился на спины солдат и плотно закрыл сеном волок избы. Изнутри слышались крики: изба сразу наполнилась дымом. Из избы посыпался народ.

Петров закричал:

– Выкуривай из всех изб дармоедов!

Предложение понравилось. Со смехом, забыв усталость, слабые принялись выкуривать сильных из всех изб.

– Семеновцы, стой! Срам какой! Дорвались до тепла, то-

⁷³ Посконный – из домотканого холста.

варищей забыли! Идите к каптёру⁷⁴, берите топоры – дрова рубить! Скорей согреетесь! – распорядился Сидоров.

– А там и каша! – прибавил Суворов.

Солдаты выбрали у каптенармуса инструмент.

В лесу весело застучали топоры. В избах из открытых волоковых окон снова потянулся дым. Слабые наполнили избы кашлем, чиханьем и стонами. Суворов приказал растирать обмороженные руки и ноги. С Петрова скинули сапоги и посадили на скамью ногами в ушат с ледяной водой.

– Чуешь ноги? Шевельни-ка пальцами! – сказал Суворов.

– Эх, век вас не забуду! Спляшем еще, господин капрал! – Петров, притопывая ногами в ушате, весело запел:

Гренадеры-молодцы,
Други-братья-удальцы!
Запоем мы трыцко-хватско
Про житье-бытье солдатско!

Ой, мамынька! Пропали мои ноженьки – не шевелятся!..

К ночи на гумнах деревни с подветренной стороны пылало множество костров. От огня оплывал и оседал снег. Поспели каши, заправленные салом и щедро сдобренные стручковым красным перцем. Солдаты наелись и повеселели. Понеслись песни. Уже никто не хотел оставаться в дымных избах – все выбрались на волю, к огням. Между кострами

⁷⁴ Каптёр (каптенармус) – заведующий ротным имуществом солдат.

шныряли в полушубках, подметая полами снег, мальчишки и девчонки. Суворова звали от одного огня к другому: «Подите, господин капрал, и у нас погрейтесь!» Внезапно перед Суворовым предстал Петров, веселый, в чьих-то стоптанных валенках и хмельной, – видно, в деревне сыскалось и вино.

– Вот он, наш капрал! Ура! Спляшем! Знаете «Слушай, радость!»?

– Как же не знать, знаю. В деревне рос!

– Ребята, становись кругом!

«Слушай, радость!»

Образовался широкий круг. Посредине, между жарко пылавшими двумя кострами, оставались только Суворов и Петров.

– Девкой будете или кавалером? – спросил его Петров.

Суворов, не отвечая, приосанился и, сняв шляпу, церемонно поклонился Петрову, потом неожиданно запел басом:

Слушай, радость, одно слово!

Где ты, светик мой, живешь?

Там ли, где светелка нова?

Скажи, как ты, мой свет, слынешь?

Как и батюшку зовут,

Расскажи все, не забудь.

Что спешишь теперь домой?

Ах, послушай! Ах, постой, постой!

Петров по-бабьи метнул глазами на Суворова, потупился, повернулся к нему спиной и ответил тоненьким притворным голоском:

Полно, полно, балагур!
Мне пора идти домой,
Загонять гусей и кур,
Чтоб не быть битой самой.
Тебе смехи ведь одни,
Не подставишь ты спины.
Поди, поди, не шути!
Добра ночь тебе! Прости, прости!

Суворов приложил шляпу к сердцу.

Ты не думай, дорогая,
Чтобы я с тобой шутил.
Для тебя, моя милая,
Весь я дух мой возмутил.
Что спешишь теперь домой?
Ах, послушай! Ах, постой, постой!

– Уговаривай, уговаривай! – поощряли Суворова из круга.

Но «девка» не сдавалась... Петров сделал уморительную старушечью рожу и, жуя конец посконной тряпки, повязанной на голове, шамкал:

Господин ты мой изрядной,
Как ты можешь говорить со мной,
Девкой неученой,
Я не знаю в свете жить.
Я советую тебе выбрать равную себе.
Поди, поди, не шути! Добра ночь тебе!
Прости, прости!

Петров низко поклонился Суворову, коснувшись пальцами земли. Суворов лихо закрутил воображаемый ус, обошел Петрова кругом вприсядку и возобновил ухаживание:

Ах, свирепа, умилился,
Не предай меня в тоску!
Не хочу слышать про ту,
Про притворну красоту.
Что спешишь теперь домой?
Ах, послушай! Ах, постой, постой!

– Держи ее, держи! – взволнованно кричали из круга одни солдаты.

– Девка, не сдавайся, беги! – советовали другие.

Петров кинулся бежать. Суворов за ним погнался.

Петров хотел с разбегу пробить головой круг и вырваться на волю. Его со смехом отшвырнули. Упав навзничь, он плачущим голосом напевал, дрыгая ногами:

Отпусти меня, пожалуй,
Мне с тобой не сговорить.
Мне делов еще немало:
Щи варить, бычка доить,
Масло пахтать⁷⁵, хлебы печь,
Овес шастать⁷⁶, братцев сечь...
Поди, поди, не шути!
Добра ночь тебе! Прости, прости!

Вскочив на ноги, Петров напрасно искал спасения, с криком бросаясь во все стороны. Его отталкивали, он валился в снег под ноги Суворову и сбивал его наземь. Наконец Суворов крепко обнял Петрова за плечи, и тот, вспыхивая, пропел последний куплет:

Убирайся, не шути!
Поди, бешеной!
Прости, прости!

Суворов равнодушно отвернулся. Петров жалобно закричал:

- Ванька!
- Здеся! – отозвалось из круга с разных мест.
- Поди сюда!
- Иду! – рывкнуло сто глоток со всех сторон.

⁷⁵ Пахтать – сбивать масло из сливок или сметаны.

⁷⁶ Шастать – отделять зерно от шелухи.

Суворов встал в кругу, подбоченясь:

– Выходи, выходи, Ванька!

Все кинулись из круга к нему, сшиблись, валясь друг на друга с криком: «Мала куча!» Поднялась веселая возня. Суворова подняли и начали подбрасывать. Он изнемог и взмолился. Еле живого от встряски, его посадили к самому огню. В костер подбросили сухих дров. Ветер утих. Высокое пламя вздымалось столбами, сизый дым завивался над ними кольцами, рои искр вились в дыму. Казалось, что среди снегов, у темной стены угрюмого леса, чудом вырос и расцвел веселый сад невиданных деревьев с пламенно-желтыми стволами, синей курчавой листвой и багровыми пахучими цветами, а вокруг деревьев летают несметные тучи золотых пчел.

Гомон у огней улегся. К костру подошел Сидоров и почтительно спросил:

– Какие будут приказания, господин капрал?

На лице Сидорова Суворов не уловил и тени насмешки. Он понял, что его приказания будут выполнены, и отдал распоряжение ночевать батальону тремя очередями.

Сидоров кивком одобрил распоряжение капрала и закричал:

– Ефрейторы, ко мне!

Суворов сел к огню и задремал. Наутро Суворов объявил новый порядок похода. Вozы переложили, удвоив на груженных санях тяжесть. Много саней освободилось. На них Суворов посадил слабых солдат с инструментом: топорами, засту-

пами, лопатами, погрузили котлы с дневным запасом. Этой части обозов приказано было ехать вперед как можно быстрее до следующего по расписанию ночлега, нарубить там дров, разгрести сугробы, настлать вокруг костров лежища из еловых лапок. Кашевары обязывались изготавиться так, чтобы батальон пришел к готовым кашам. Веселой рысцой на восходе солнца эта часть обоза покинула первый ночлег батальона. За ним следовал колонной батальон поротно, и наконец двинулся тяжелый обоз.

До Москвы батальону предстояло пройти 700 верст⁷⁷. Порядок похода на пути менялся частично, но, в общем, оставался установленный Суворовым для второго перехода. Суворова слушались. Несогласных убеждали товарищи. В шутку говорили: «Батальонный приказал!» Строптивым грозили: «Ужо он Соковнину доложит!» Смеясь, солдаты удивлялись: «Виданное ли дело? Гвардейским батальоном капрал командует! Хоть бы сержант!» Потом стали шутливо кликать: «Ефрейторы, к поручику!», «Майор зовет!». И кого звали, тот бежал к Суворову.

– Этак придем мы в Москву, – говорил Александру Сидоров, – товарищи вас в гвардии полковника произведут, скажут Апраксину: «Довольно ты, сударь, поцарствовал! У нас свой полковник». От государыни вы о милости такой не скоро услышите...

Батальон пришел в Москву. Распоряжения Суворова во

⁷⁷ Верста – старая русская мера расстояния, равная 1,066 км.

время похода получили одобрение Соковнина. Благодаря самозваному командиру батальон закончил поход до срока. Апраксин, узнав об этом, захотел видеть расторопного капрала. Суворов сказался больным, когда его в очередь назначили к Апраксину ординарцем. Все это было нарушением субординации, но Апраксин не тронул строптивного капрала: он видел в Александре сына генерала Василия Суворова.

Глава шестая

Армия

Карьера Василия Ивановича Суворова возобновилась. Он быстро шел в гору, обновив старые придворные связи и знакомства во время пребывания Елизаветы Петровны в Москве. В 1751 году Василий Иванович занял должность прокурора Сената, а в 1753 году, произведенный в генерал-майоры, получил назначение членом Военной коллегии⁷⁸. Могло показаться, что Василий Иванович делает карьеру ради сына или вступил в состязание с ним, задавшись мыслью показать на своем примере, как надо служить. Возвышение отца и впрямь помогло Александру. Сын опального, если не ссыльного мелкопоместного дворянина превратился в сына влиятельного сановника. Василий Иванович с семьей переехал в Санкт-Петербург.

Еще в 1750 году, видя, что Александр изнемогает под добровольно наложенным на себя солдатским ярмом, отец упрямил Соковнина взять сына к себе бессменным ординарцем. В 1751 году Александр Суворов достиг возраста гражданско-

⁷⁸ Военная коллегия – высший центральный орган военного управления в России XVIII в. Учреждена Петром I в 1719 г.; преобразована в военное министерство в 1802 г.

го совершеннолетия – двадцати одного года, и его произвели в чин сержанта – последний высший солдатский чин. А в 1752 году отец выхлопотал сержанту Суворову почетную командировку за границу – курьером с депешами в Дрезден и Вену. Многие из недорослей в гвардии мечтали об этом. Выбор пал на Суворова, потому что он знал лучше многих немецкий и французский языки.

Несколько месяцев провел Александр Суворов в русских посольствах при саксонском и австрийском Дворах. Здесь все говорили, что в скором времени предстоит большая война: прусский король Фридрих II строил завоевательные планы, накапливал средства и силы и собирался нанести главный удар России.

Возвратясь в Петербург, Суворов убедился, что Россия не даст застать себя врасплох. Василию Ивановичу Суворову Военная коллегия поручила изыскивать денежные средства для снабжения армии, так как государственная казна, разоренная взбалмошной императрицей, пустовала. Монету приходилось чеканить из пушечного металла и медью платить жалованье не только солдатам, но и офицерам.

А между тем в меди и бронзе остро нуждалась артиллерия. Подавляющая сила орудийного огня оценивалась после Полтавской победы Петра I его учениками очень высоко. Из них оставались в живых и находились у дел Абрам Петрович Ганнибал, его друг Василий Васильевич Фермор, тоже бомбардир Петра, да Василий Иванович Суворов. Ган-

нибал и Фермор ведали пушечным делом и готовили сюрприз прусскому королю: налаживалось производство новых гаубиц для навесного прицельного огня в десять калибров.

В доме Ганнибала Александр Суворов познакомился с Фермором.

– У Василия Васильевича ум чистый, без узлов, – рекомендовал Фермора сыну Суворов.

При домашних встречах у «стариков» часто возникали споры о том, что всего важнее на войне. Александр осмеливался, если его спрашивали, высказывать довольно резкие суждения. Ганнибал требовал от Военной коллегии как можно больше пороха, пушек, картечи, гранат. Василий Иванович считал, что не менее нужны холст, кожа, соль, мука, крупа. А главное – в чем был прав прусский король – для войны нужны три вещи: «деньги, деньги и деньги». Фермор прибавлял:

– И еще люди и человек нужен... Как ты думаешь? – неизменно обращался Фермор к Александру.

Александр отвечал, что он скорее согласен с Фермором, чем с отцом и Ганнибалом. Конечно, солдат должен быть сыт, здоров, удобно и хорошо одет, снабжен всей амуницией и превосходным оружием, но главное – надо солдата воспитать и обучить. Не только полевые войска, но и гвардия плохо обучена, забыла уроки петровских побед. Теперь это не солдаты, а мужики в солдатских мундирах: «сто голов одной шапкой накрыто». А командиры – те же помещики. Моло-

дые солдаты видят в командире прежде всего барина, а не боевого товарища. И командир почитает солдата мужиком, своим крепостным, слугой своим, а не слугой Отечества.

Василий Иванович поёживался, выслушивая смелые суждения сына.

– Вот выпустят тебя в полк, там увидишь, насколько дело трудно. Руками беды не разведешь.

Ни в тех ни в сех

С декабря 1752 года первый батальон Семеновского полка пребывал в Москве, куда снова перебралась со своим Двором Елизавета Петровна.

25 апреля 1756 года при очередном выпуске сержантов из гвардии в полевые войска в числе прочих был произведен в поручики Александр Суворов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.